

Интервью с Гарольдом Ефимовичем ЗБОРОВСКИМ

«Я ОЩУЩАЮ СЕБЯ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПРОФЕССОРОМ»

Зборовский Г. Е. — окончил исторический факультет Уральского государственного университета, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. Б.Н.Ельцина (Екатеринбург). Основные области исследования: теория и история социологии, методология эмпирических социологических исследований, социология образования и досуга, теоретические и эмпирические исследования социальных общностей. Интервью состоялось весной 2013 г.

В моей стратификации поколений советских/российских социологов Гарольд Ефимович Зборовский (1938 г.рожд.) относится к старшей части третьей профессиональной когорты, и его приход в социологию — яркий пример синтеза путей, которыми шли представители его поколения и предыдущего, второго. С социологами третьего поколения его роднит среда социализации, траектория его погружения в науку характерна для социологов второй страты. Он — ученик, последователь тех, с кого начинался современный этап российской социологии.

В своей научной деятельности Зборовскому удалось соединить и проявить свой постоянный интерес к истории и философии; в центре его внимания уже многие годы находятся теоретические проблемы нашей науки и ее история. Нечастое, но естественное соединение. Кроме того, он не отошел от того, с чего начал свою карьеру - «учительство». Более того, в преподавании он видит главную цель своей деятельности.

Зборовский Г. Е.: «Я ощущаю себя в первую очередь профессором»¹

Гарольд, в Вашей краткой сетевой биографии указывается, что Вы родились в Баку. В этом городе давно жили ваши предки или судьба забросила туда ваших родителей? Вообще, пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье. Я заметил, у людей, имеющих историческое образование, это хорошо получается. И еще, какова история Вашего нечастого имени? Не Вы первый, кому я задаю такой вопрос. Я спрашивал Ж.Т. Тощенко о происхождении его имени Жан и Б.Г.Тукумцева о его имени – Будимир Гвидонович.

Я родился в Баку 17 сентября 1938 г. в семье служащих. Папа работал бухгалтером, мама – машинисткой. Насколько я помню из рассказов родителей, особенно мамы (она намного пережила папу, он умер в 1964 г., а она – в 2002 г.), в Баку они оказались потому, что там жили родители и родственники папы, и они могли помочь на первых порах молодой семье. До Баку родители жили на Украине в маленьких городках Гайсине и Тетиеве, в этом смысле они были самыми настоящими местечковыми евреями. Мой единственный брат (ему недавно исполнилось 80 лет) родился в Крыму (Евпатории), он живет в Уфе. Видимо, жизнь в Крыму была непростой, и родители вскоре переехали в Баку.

Сразу о своем имени, его историю мне рассказала мама. У нее была любимая подруга, армянка, у которой родился на полгода раньше, чем я, сын. Мальчика назвали Гарик. Маме он очень нравился, и она договорилась с папой, что если родится мальчик, они его тоже так назовут. Папа был не против. Когда я появился на свет, меня назвали Гариком. Но когда родители пришли в ЗАГС меня регистрировать, инспектор стала их всячески отговаривать от этого имени. Главный аргумент был такой: пока мальчик маленький, это имя звучит хорошо, но когда он вырастет, его должны будут называть Гарик Ефимович. Хорошо ли это будет для него? Родители растерялись, и она им предложила модное в то время имя Гарольд (Гарольд Ллойд и пр.), при этом она их убедила, что сочетание «Гарольд Ефимович» очень звучное и красивое. Так я стал обладателем этого сочетания. Естественно, дома меня все всегда звали Гариком, и сейчас брат зовет также. Справедливости ради скажу, что мне до самого зрелого возраста взрослое имя мое не нравилось, равно как и детское. Когда я поступил в университет, то назвался Игорем. И те, кто учился со мной и все еще жив, до сих пор так меня и зовут, а когда по телевидению и радио (мне нередко приходится выступать с какими-либо комментариями, особенно по «Эхо Москвы») слышат подлинное имя, страшно удивляются, даже звонят и говорят об этом. Кстати, мое трудное имя очень легко научились менять школьники: первые четыре года после университета я учительствовал в школе, преподавал историю, и дети меня звали «Король Ефимыч» (похоже, я для них действительно был королем: ходил с ними в турпоходы, играл в шахматы, баскетбол, настольный теннис, вел хор, конечно, исторический кружок и делал много всякого другого, поэтому авторитет был непререкаемым, и учились дети хорошо, а про дисциплину и говорить не приходилось). Такова история моего имени.

---

¹ Социология: современность и перспективы. Сборник научных статей. Уральский федеральный университет им. Б.Н.Ельцина. Екатеринбург: 2013. (В печати).

Теперь о родителях. Папа, несмотря на то, что имел только среднее образование (10 классов) и инвалидность «пятой группы» (это означает пятую графу в анкете — национальность), быстро продвигался по служебной лестнице, становился старшим и главным бухгалтером (в частности, на заводе Паркоммуны в Баку). Видимо, он был способным специалистом, вводил механизацию в бухгалтере и еще делал что-то такое, в чем я не разбираюсь. В 1948 г. семья переехала в Одессу, где вскоре отец стал главным бухгалтером Черноморского пароходства. В Одессе мы прожили всего четыре года, и в 1952 г. переехали на Урал, в Уфу. Причины этого переезда мне рассказал папа незадолго до своей смерти (он умирал мучительно, от рака желудка, и я целое лето просидел у его постели; когда он не чувствовал сильных болей, то кое-что мне рассказывал). Эти причины были связаны с известным «делом врачей», к которому, конечно, он не имел никакого отношения, но был евреем. Когда в Одессе начались эти события, папа был в командировке в Москве и сдавал какой-то отчет о работе пароходства министру финансов Звереву. Тот лично знал отца, очень высоко его ценил, поскольку он одним из первых в стране вводил механизацию счетного дела (папа даже получал от него конверты с деньгами — персональную министерскую зарплату или надбавку, не знаю, как правильнее сказать). Зверев спросил отца, понимает ли он, что происходит, и как видит для себя лично последствия этого «дела», на что папа ему сказал, что, конечно, все понимает и уверен, что будет снят с работы, как минимум, а возможно, произойдет что-либо похуже... Тогда министр тут же предложил ему написать заявление начальнику пароходства с просьбой о разрешении перевода на другую работу, в г.Уфу. В то время там строились очень крупные нефтеперерабатывающие заводы. Министр предложил папе стать гл. бухгалтером строительства и эксплуатации одного из них с получением в течение двух месяцев квартиры и последующим переездом туда семьи. Папа, не раздумывая, согласился, министр подписал его заявление и послал его правительственной телеграммой в Одессу. На следующий день папа вылетел из Москвы в Уфу, «принял» завод, а через 1-2 месяца приехал в Одессу за нами.

Мама всю жизнь, вплоть до пенсии, проработала машинисткой — сначала рядовой, а последние лет 15 — начальником машбюро. Когда-то это была очень нужная и популярная профессия, впрочем, она давно исчезла. Особенно ценились грамотные машинистки, за них всегда шла борьба. Мама была очень грамотной и, насколько я помню, пользовалась большим уважением в коллективе.

Где прошли Ваши школьные годы? Чем запомнилось Вам то время? Каковы были Ваши интересы?

Учился я в школах Баку, Одессы и Уфы, причем в каждом городе занимался одновременно в двух школах — обычной и музыкальной, по классу скрипки. В Уфе, закончив музыкальную семилетку, параллельно с общеобразовательной школой я учился и в музучилище. Летом, в каникулы, работал скрипачом в оркестре кинотеатра «Победа». Помните советские кинотеатры 1950-1960-х гг. в крупных городах, где в течение получаса перед вечерними сеансами оркестры исполняли популярную музыку? Я получал большое удовольствие и осваивал практику игры «с листа». Потом она меня сильно выручила, когда я после окончания школы и училища в 1955 г. приехал в Свердловск, чтобы поступать в уни-

верситет. Через год, обучаясь в университете на истфаке, я устроился работать в эстрадно-симфонический оркестр, победив в конкуренции с более сильными по технике скрипачами за счет именно навыков игры «с листа».

Школьный период жизни оказался крайне важным для меня. Учеба в двух школах, любовь к спорту, особенно к баскетболу и шахматам, заставили меня ценить время и рационально использовать его. Думаю, что первая в социологии моя научная страсть и интерес — сначала к свободному времени, а затем и к социальному времени — коренятся в школьном детстве. Я буквально кожей чувствовал время, без часов на руке днем я определял время с точностью до 10-15 мин., а ночью — до 30 мин. (специально многократно проверял). Мои школы — обычная и музыкальная, а потом и музучилище — как правило, находились далеко друг от друга, что усложняло и без того непростую жизнь. А ведь помимо уроков в них, нужно было дома играть на скрипке часа по 2-3 в день и еще выполнять школьные домашние задания. Пишу обо всем этом, вспоминаю и думаю, неужели сейчас я выдержал бы такой напряженный ритм. А ведь была еще масса других интересов: книги (которые я безумно любил читать и поглощал их залпом), баскетбол (за который мне изрядно доставалось от родителей и от педагогов по скрипке, руки-то грубели от мяча), шахматные турниры, из которых я не вылезал (в десятом классе у меня был первый разряд, что по тем временам было нечасто)... В 8 классе появилась первая любовь, до сих пор помню Маринку Корсунскую, которой я предложил дружбу, она сразу согласилась, а потом мы смотреть боялись друг на друга, так все это было трепетно.

Дважды школа была для меня настоящей школой жизни: первый раз, когда учился в ней, а второй — когда после окончания университета четыре года работал учителем истории. Вообще о школе могу говорить бесконечно, боюсь только, все это займет слишком много места. Совсем не затронул вопрос об учителях. Очень коротко: своих учителей в Баку (с 1 по 4 класс) и Одессе (с 5 по 7 класс) совсем не помню, никого. Зато учителей уфимской, точнее черниковской школы №26 (Черниковск — это был промышленный город, по существу район Уфы в 20 км. от нее, сейчас это просто Орджоникидзеvский район Уфы) помню прекрасно, а с одним из них дружил после школы лет 15, до самой его смерти.

Мои респонденты, которые немного старше Вас, помнят свои первые впечатления о смерти Сталина. Что у вас по этому поводу сохранилось в памяти?

Я думаю, что мои воспоминания о смерти Сталина мало отличаются от воспоминаний моих сверстников. Тогда я учился в 8 классе. В день смерти Сталина нас всех — учащихся второй смены школы - построили в зале, учителя плакали, директриса тоже. Сквозь слезы она объявила нам о его смерти и сказала, что мы теперь должны еще лучше учиться, и это будет ему лучшей памятью. Хорошо помню, что я не плакал, а просто стоял и смотрел. Девчонки плакали все, мальчишки — почти никто. А потом мы даже об этом и не говорили. Были другие интересы и занятия. Но в этот день мы никуда не ходили. Дома мама спрашивала отца, что же теперь будет с нами. Их разговора на эту тему я не помню, скорее всего, даже не слышал. Все последующие разговоры о Сталине и обсуждения были уже в университете, куда я поступил в 1955 г.

Вы жили в Уфе, крупном промышленном городе, и был бы естественным Ваш выбор какой-либо технической профессии; откуда такой интерес к истории, что Вы решили поступать на исторический факультет? Как Вам виделась тогда Ваша будущая работа?

Мой выбор профессии никак не был связан с особенностями города, его промышленно-технического профиля. Я изначально был предрасположен к гуманитарному, точнее социогуманитарному знанию. Не могу сказать, что безумно любил историю, скорее отдавал предпочтение литературе, очень интересовался географией (экономической). Сейчас, по прошествии почти 60 лет, думаю, что главным был интерес к социальной и даже к политической проблематике. Кроме того, я ведь был еще и музыкантом по профессии. Главный выбор был между университетом и консерваторией. Тогда, а мне еще не было и 17 (я поступал в вуз за несколько месяцев до этого возраста), я понял, что приличного скрипача из меня не получится, и даже закончив консерваторию, я буду сидеть в оркестровой яме, чего мне очень не хотелось. И выбор был сделан в пользу университета. Дома мне пришлось выдержать настоящий бой с отцом, который был категорически против гуманитарного образования и настаивал на том, чтобы я, во-первых, не уезжал из Уфы, а, во-вторых, поступал в нефтяной институт. Поскольку он был главбухом крупнейшего нефтеперерабатывающего завода, у него были тесные связи с руководством этого вуза, которому завод помогал, брал на практику студентов, выпускников и т.д. Папа гарантировал мне поступление в этот институт, при этом он был не уверен в том, что в Свердловске я поступлю в университет. Конкурсы были очень большие. На истфак, когда я поступал, конкурс составлял 12 человек на место, а проходной бал оказался предельно высоким – 25, мы сдавали 5 экзаменов. Кроме того, был еще один работавший против моей поездки в Свердловск аргумент; я был евреем, на истфаке в те годы – явление крайне редкое. Папа меня об этом предупреждал, и здесь он чуть было не оказался прав: при поступлении, точнее при сдаче экзамена я впервые столкнулся с откровенным антисемитизмом; чего потом в моей жизни, к счастью, было не так много. Я сдавал последний экзамен по географии, до этого у меня были четыре пятерки. Отвечал я на «отлично», что отметил преподаватель. Он сказал, что ответ абсолютно пятерочный, открыл экзаменационный лист, чтобы поставить оценку, прочел вслух фамилию, имя и отчество, посмотрел на меня и спросил, кто я по национальности. Естественно, я мог соврать, но не стал этого делать, и сказал как есть. И в ответ услышал: «Тогда я вас буду спрашивать еще». Он мне задал очень много вопросов, сложных, рассчитанных на знание каких-то мелких фактов. Я удивляюсь до сих пор, что ответил на все его вопросы. Конечно, он мог поставить мне любой бал, ведь контроля не было никакого. И для меня было просто удивительно, что длившаяся целый час экзаменация завершилась все-таки отличной оценкой. Так я оказался студентом истфака.

Но на этом я не успокоился, мне хотелось узнать что-нибудь конкретное про консерваторию, про класс скрипки. И тут произошло то, что, по-моему, в советские годы по определению произойти не могло. В приемной комиссии меня тщательно выспросили обо всем. Оказалось, что по классу скрипки в консерватории в том году был недобор. Меня отвели в учебный класс, вызвали какого-то преподавателя, дали инструмент, время (где-то около часа) на его «освоение» и попросили в присутствии педагога что-либо сыграть. Я сыграл первую часть концерта Мендельсона, по-моему, даже не до конца. Они меня прервали, пошушукались, попросили посидеть в классе и не уходить никуда. Потом пришли и предложили мне забрать документы из университета и стать студентом 1 курса консерватории. Я сказал, что документы забирать не буду. Потом они еще

куда-то ходили, попросили снять у нотариуса копии моих документов, которые в университете мне не хотели давать. Потом звонили из консерватории в университет. В общем, была целая история, результатом которой оказалось зачисление меня на первый курс консерватории, правда, без стипендии.

Так я стал студентом двух вузов. Но, как говорят, недолго музыка играла, а в этом случае не только в переносном, но и в прямом смысле слова. К концу семестра я понял, что не сумею так учиться. Времени катастрофически не хватало, на скрипке, которую я привез из дома (после поступления я уехал домой до 1 сентября), нужно было играть по 6 часов в день. Это было практически невозможно. До сих пор помню, я учился в классе проф. Затуловского, что мне дали в качестве программной вещи «Вечное движение» Паганини – произведение сложнейшее для студента первого курса. Оно оказалось для меня неподъемным, так что из консерватории я ушел.

Что касается моих представлений о будущей работе именно в тот период, когда я поступал, то, насколько я помню, они были очень неопределенными и размытыми. Интересовала сама учеба. Четко помню, что о науке, об исторических исследованиях я даже не задумывался. Наиболее вероятной перспективой была профессия учителя истории. И здесь я перейду сразу к ответу на следующий вопрос.

В студенческие годы какие области истории Вас особенно привлекали? Повезло ли Вам с преподавателями? Мне кажется, что в годы Вашего студенчества история была очень идеологизирована, так ли это?

Вы знаете, ни одна из областей истории не вызывала у меня особого интереса. Его вызывали скорее отдельные преподаватели. Среди них я бы выделил в первую очередь выдающегося византиниста профессора М.Я. Сюзюмова, который свободно владел шестью иностранными языками, перевел целый ряд важнейших источников, касавшихся экономической жизни Византии во времена Юстиниана, Феодоры и других. Вот уж кто был напичкан знаниями. Его можно было слушать бесконечно, хотя он не был оратором. Говорил тихо, повторяя многие фразы, тряс при этом головой. Любили его слушать немногие. Он читал лекции в длинной аудитории (студенты ее называли «кишкой»), кто хотел слушать, садились за первые столы. Остальные могли играть в шахматы, в карты, болтать, вязать, делать что угодно, он ни на кого не обращал внимания. Иногда он мог перейти с русского на латынь или греческий, и когда студенты ему робко говорили о том, что им непонятно, он обычно отвечал, что «вы все равно ничего не поймете». Потом Сюзюмов пригласил меня к себе в аспирантуру, но я уже сделал другой выбор – в пользу социологии (1963 г.).

Могу отметить смешной эпизод, связанный в моей жизни с его именем. Когда я в апреле 1965 г. защищал кандидатскую диссертацию в Уральском государственном университете (по критике буржуазной социологии досуга), он был членом диссертационного Совета. Тогда в него входили представители многих гуманитарных специальностей, в том числе и историки. Едва на заседании Совета началась неофициальная часть дискуссии по моей диссертации, он первым попросил слова, что вызвало у членов Совета удивление: что Сюзюмов понимает в социологии вообще, в зарубежной – в особенности? Еще больше удивления и настороженности вызвала его первая фраза, которую я хорошо запомнил: «Мне очень жаль, что мой уважаемый ученик пошел по неправильному пути». Все, а я первый, ожи-

дали услышать анализ и критику работы. Но вместо этого он стал говорить о том, что неправильный путь — это выбор социологической, а не исторической темы, а затем в течение нескольких минут, уже под улыбки, а затем и откровенный смех, говорил о том, какой бы из меня получился прекрасный ученый историк.

Если же продолжать разговор о преподавателях, которые оказали на меня самое сильное, если не решающее, влияние в выборе дальнейшего пути, то абсолютно однозначно, не колеблясь ни минуты, должен сказать, что это был Лев Наумович Коган. Он преподавал у нас и диамат, и истмат, и историю философии. Лекции читал он просто великолепно. В них и в него самого мы все были просто влюблены (о его роли в моей жизни я еще скажу дальше). И хотя это были лекции по философии, а не по социологии (тогда, в 1956–1958 гг., этого слова мы даже не знали), сам его подход к анализу общественных явлений и процессов был по духу своему скорее социологическим. Конечно, вряд ли тогда это осознавалось в полной мере даже им самим. Я бы сказал, что лекции Когана были не просто содержательными и очень четкими по позициям, но эффектными, яркими, даже красивыми. Те, кто слушал его и знал манеру его выступлений, помнит, каким он был блестящим оратором.

И здесь нужно специально остановиться на вопросе об идеологизированности учебного процесса. Конечно, это так. Даже у Сюзюмова на первом месте стояло знание Маркса. Помню, что на втором курсе писал у него курсовую на тему «Суд над Яном Гусом на Констанцком соборе». Работа писалась мной исключительно на латинских, немецких и чешских источниках, которые я сам же и переводил. Сюзюмов очень высоко оценил работу, отметил ее исследовательский характер, но поставил четверку, а не пятерку, — за то, что я не использовал «Хронологические выписки» Маркса, в которых у последнего содержались оценки гуситского движения. Конечно же, не могло не быть идеологизированным и преподавание Л.Н.Когана.

Это было время, когда любая лекция и любая статья (не говоря уже о книгах) начиналась и завершалась ссылками на партийные документы, работы Маркса, Энгельса, Ленина и до 1956 г. — Сталина. Идеологизированной была не только история, но и все остальное (исключая разве что математику, но нам ее не преподавали: а, может быть, и в ней что-то находили?). Вбито в голову все было очень сильно, если сравнивать с гвоздем, то по самую шляпку. Поэтому избавление от этого впоследствии было тяжелым и мучительным для очень многих. Для себя не делаю исключения. Но мне было, как мне кажется, чуть легче, чем другим. Это было связано с тем, что, начиная с 1963 г., я стал читать зарубежную социологическую литературу. Преподавание философии в вузе и научная работа в области социологии, начавшиеся синхронно с осени этого года, постепенно стали менять мои идеологические представления.

Выпускники университетов обычно не идут преподавать в школу. Вы стремились стать учителем истории или так «послОжилось»?

Я не соглашусь с такой постановкой вопроса, точнее, его первой части. Университет университету — рознь. МГУ, ЛГУ — да. Выпускники этих вузов в школу направлялись редко, чаще — преподавать в вузы или шли в НИИ. Но провинциальный университет, а именно таким и был Уральский госуниверситет им. Горького (УрГУ), готовил специалистов по большей части для работы в школе. Это вовсе не значит, что так оно и получалось у выпускников. У нас

был очень сильный курс, и после нескольких лет обязательной работы в школе по распределению (причем не только в городской, но и в сельской) многие из школы уходили. Из студентов моего курса человек пять защитили докторские, с десятков — кандидатские диссертации. И у меня не было большого выбора, ибо в аспирантуру брали только после обязательной отработки в школе. Для меня же эта дорога была закрыта по вполне понятной причине — национальности. Было и еще одно требование — партийность, которое оказывалось также несовместимым с этой же причиной.

Спустя четыре года после работы учителем истории в школе я попытался поступить в заочную аспирантуру — уже не по истории, а по философии (реально — по непризнанной в те годы в качестве профессии социологии — 1963 г.), но тщетно. Заведующий кафедрой мне намекнул, что, была бы его воля, он взял бы меня, но ... Так что мне пришлось идти другим путем.

Поэтому могу сказать, что, с одной стороны, я стремился стать учителем истории, и эта работа мне очень нравилась. Я всегда говорил и повторяю это сейчас: школа была для меня настоящей школой жизни. Я очень многому в ней научился. У меня в школе многое получалось (хотя далеко не все), и из меня со временем мог бы получиться приличный учитель. По крайней мере, знаниями я был напичкан, как хорошая бочка — селедкой (сравнение несколько грубоватое, но мне нравится). А именно таких знаний и не хватает (и в то время это было так, и сейчас, как мне кажется, мало что изменилось) многим учителям. И если дети ходили за мной «табуном», то это получалось только потому, что им было со мной интересно, что я им много рассказывал из того, чего в учебнике не было, что играл с ними в шахматы, баскетбол, настольный теннис, ходил в турпоходы, руководил хором и т.д. В школу я уходил к 8 ч. утра, а возвращался после 8 вечера, хотя самих уроков было не так много — всего 18 ч. в неделю (это была ставка, за которую платили 68 руб. в месяц).

С другой стороны, то, что я стал учителем истории, оказалось неизбежным следствием существовавшей ситуации, — я в принципе больше никем сразу стать тогда не мог. Нужно было поработать в школе — в качестве необходимого первого этапа профессиональной жизни, и только потом искать что-то другое.

Тормознем слегка хронологический ряд рассказа. Л.Н. Коган — очень яркая фигура в российской социологии, пожалуйте, расскажите о нем, о его роли в вашей жизни. Здесь же хотелось бы узнать о ваших конференциях памяти Когана.

О Льве Наумовиче могу рассказывать бесконечно, все-таки личное знакомство с ним, которое продолжалось с 1956 г., когда я впервые услышал его лекции и сдал ему первый экзамен (по диамату), будучи студентом 2 курса, и по 1997 г., когда он умер (я был у него дома за 3 дня до смерти, которая наступила после тяжелой болезни 14 июля), дает мне такое право. Он никогда не был моим формальным научным руководителем, зато был дважды официальным оппонентом — на защите кандидатской и докторской. На самом деле, конечно, я считаю себя его учеником и горжусь тем. Он мне давал читать рукописи его последних (написанных в 1880-1990-е гг.) книг: «Жить по справедливости», «Человек и его судьба», «Зло», «Вечность», «В четвертом измерении», «Жизнь в поколениях. Классика и современность», «Философия: серьезная и веселая. Очерки о философии Уильяма Шекспира» и при этом просил делать по ним замечания, а затем дарил их с очень теплыми, сейчас разрывающими сердце

дарственными надписями (пишу эти строки, и слезы наворачиваются на глаза, все до сих пор живо в памяти, а его книги передо мною). Он писал прекрасные стихи, и небольшая их книжечка тоже передо мною - «Белая обезьяна» (1996). Он был поистине энциклопедистом в гуманитаристике: философ, социолог, эстетик, историк, искусствовед, театровед, киновед... Память у него была просто феноменальная.

О застольях с его участием до сих пор ходят легенды, лучшего тамады я просто никогда не слышал. А его устные рассказы, он их называл притчами, можно было слушать бесконечно, причем одни и те же по несколько раз, и каждый раз хохотать до боли в животе. Мне кажется, их было у него около 40. Мне фантастически повезло, поскольку большую часть из них я слышал, а многие – не по разу. Как правило, эти притчи он рассказывал в застолье. Даже из журнала «Крокодил» к нему специально приезжали с просьбой дать им хотя бы одну притчу, но он категорически отказывался это делать, полагая, что они на бумаге потеряют свой колорит именно устного (причем авторского) рассказа. Вообще те, кто его хоть один раз слышал, забыть уже не могли никогда. Лев Наумович (кто-то называл его Лев-себе-На-умович) был блестящим научным руководителем. Под его руководством было защищено 22 докторских и 182 кандидатских диссертаций, причем в подавляющем большинстве это были хорошие работы, халтуру он просто не пропускал.

В память о Когане ежегодно проводятся у нас Коганские чтения, приобретшие статус международной конференции. С 1997 по 2013 гг. было проведено 16 научных конференций. С гордостью могу сказать о том, что на каждой из них я выступал с пленарным докладом. Это – моя дань памяти любимому ученому и человеку. Каждый учебный год на первом курсе социологического факультета Гуманитарного университета (я был его деканом вплоть до января 2013 года) я начинал лекцией о Л.Н.Когане как основателе Уральской социологической школы, его вкладе в социологию.

Не могу не сказать специально о двух любимых учениках Л.Н.Когана – профессорах Ю.Р.Вишневском и В.Т.Шапко (последний умер несколько лет назад), которые сделали очень много для сохранения памяти о Л.Н.Когане. Достаточно назвать двухтомное издание его избранных трудов с 1961 по 1997 гг. общим объемом около 50 п.л., опубликованное в 2009 г. (редакторы-составители Ю.Р. Вишневский, Г.Е. Зборовский, В.Т. Шапко). Боюсь, что, говоря о Когане, многих вещей я не коснулся, а что сказал – выглядит несколько сусально. Но так уж получилось.

Заканчивая разговор о Л.Н.Когане, скажу, что за 16 лет, прошедших после его смерти, он абсолютно не забыт. Студенты пишут работы о его творчестве, его ученики постоянно цитируют ученого. Про себя лично могу сказать, что его «Социологию культуры» использую регулярно, хотя прошло более 20 лет со времени ее издания. Мне было у кого учиться, и за это я благодарен судьбе. Это вовсе не значит, что я идеализирую Когана, да он в этом и нуждается. Конечно, он был сыном своего времени, он не взрывал его идеологию и даже не угрожал ей, но мастерски адаптировал ее под свои исследовательские задачи и показывал всем, как это нужно делать. Однако, что важно отметить, его работы 1990-х гг. уже смотрели в XXI век. И вполне был прав один из любимых учеников Когана

Владимир Волков (тоже ушедший из жизни) в стихотворении «Памяти Льва Наумовича Когана», зачитанном им на поминках 18 июля, когда в последних строках писал:

Не прижился к врачам и палатам,
Взбунтовался Лев — Человек.
И ушел. Но не в этот, Двадцатый.
А вперед — в Двадцать первый век!

А как сегодня екатеринбургские социологи оценивают деятельность Михаила Трифоновича Иовчука и Михаила Николаевича Руткевича? Об Иовчуке очень мало написано, хотя советская социология во многом началась с его исследования по рабочему классу и технической интеллигенции.

Михаила Трифоновича Иовчука сегодня почти никто не помнит на Урале, разве что профессор Г.П. Орлов, который учился в аспирантуре на кафедре диамата и истмата в УрГУ, когда ею заведовал Иовчук. Он ведь был сослан на Урал после какой-то неприятности, которая у него была в то время, когда он был секретарем ЦК КП Белоруссии по пропаганде (конец 1940-х гг). На Урале он пробыл несколько лет, точно даже не помню, в каком году он снова оказался востребованным в Москве. Мне довелось его лично знать и даже бывать у него дома в Москве на Ленинском проспекте. Это было в 1968 г. Я был молодой доцент, находился на пятимесячных курсах повышения квалификации в ИПК при МГУ, а он читал лекции слушателям. Я даже был старостой этой группы (по его настоянию), поскольку он благоволил к уральцам, и на меня это отношение распространилось автоматически. Именно в это время его назначили ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС, чем он страшно гордился. Последние лекции курса он читал через раз, поскольку был очень занят на новой работе. Но зато всегда приносил с собой новые факты о том, что происходило в это время в Чехословакии. От него мы многое и узнавали, что было очень важно, поскольку, как известно, информацией нас об этих событиях, мягко говоря, не баловали. Что касается участия Иовчука в исследованиях рабочего класса и научно-технического прогресса, то он ими только руководил и обеспечивал публикацию материалов. Главную же работу делал Л. Н. Коган и его люди.

Здесь не могу не сказать о взаимоотношениях Иовчука и Когана. Это удивительно, как у таких разных во всем людей могла быть такая взаимная любовь. Я понимаю, откуда это чувство у Иовчука: он любил Когана как родного сына, что и понятно. Коган был необычайно талантлив и работоспособен. У них была масса совместных публикаций, причем не только в 1960-е, но даже в 1970 и 1980-е гг. Нетрудно догадаться, кому принадлежала львиная доля авторства. В конце 1980-х - 1990-е гг., когда мы очень сблизились с Л. Н., я ему задавал не раз вопрос о его отношении с Иовчуком. Без всякого энтузиазма и желания развернуто обсуждать эту тему он говорил о том, что многим обязан Иовчуку. И я его понял. В тяжелые годы антисемитизма (1950-е) Иовчук, действительно, не раз защищал Когана, хотя тот ни чем не был замешан, разве что был «виноват» в испорченной анкете. Мне рассказывали такой эпизод. На кафедре Иовчука, где работал и Коган, в то время был аспирантом (а может быть доцентом, не знаю) такой В.Гаврилов (потом он ушел работать в партшколу). Когда в 1952 г. началась история с врачами, Гаврилов посетил лекцию Когана и на заседании кафе-

дры начал ее разносить, произнеся такие слова: «В то время как весь советский народ борется со своими врагами – еврейскими врачами, Коган позволяет себе ...» И пошло, и поехало. Иовчук остановил Гаврилова, сказал, что ему стыдно за него и велел ему выйти вон. Конечно, Иовчук рисковал сильно, но все прошло нормально, Коган остался работать. Я думаю, что этого, а, вероятно, и еще каких-то вещей, он не мог забыть, и его отношение к Иовчуку всегда было очень трепетным. Кстати, я слышал не только от Л. Н., но и от других, о порядочности Иовчука. Несмотря на то, что Иовчук способствовал продвижению Когана и часто оказывался его соавтором, в социологии он мало что понимал. По-моему, она была ему неинтересна.

Вторая часть вопроса – о М. Н. Руткевиче. Честно скажу, что это тот случай, когда я вынужден сказать: «О покойниках или хорошо, или никак». Хорошо не могу, слишком много зла он мне причинил в жизни. Началось с того, что я отказался идти работать к нему на кафедру (после отъезда Иовчука он стал заведовать той же кафедрой). И он меня сразу предупредил: Вы еще горько пожалеете о своем отказе. Я ему был нужен, чтобы переводить зарубежные тексты с английского и французского, а я этого не хотел. Никогда не жалел о своем отказе, а он мне мстил за это много лет. На этом, пожалуй, я остановлюсь в своих личных оценках. Иначе придется вспоминать, какие методы он использовал в этой мести, чего совсем не хочется делать. Что касается отношения к нему среди городских социологов, то есть несколько человек, которые являются его личными учениками. Вероятно, они его помнят. Но я с ними на эту тему не разговаривал – не интересно. Знаю только, что вплоть до окончания жизни (а умер он после 90 лет, причем всегда гордился тем, что был ровесником Октября, родился 7 ноября 1917 г.) он интересовался тем, что делается в городском мире философов и социологов.

... мы остановились в разговоре о вашей жизни, когда Вы были учителем истории в школе. Что заставило Вас или что повлияло на вас, что вы решили идти в науку? Как это происходило? Было ли это движение сразу в социологию или были какие-то промежуточные ступени?

Работая учителем в школе, я понял, что надолго в ней не задержусь. Не потому, что мне в ней было некомфортно, как раз наоборот, мне нравилась профессия педагога. Но в то же время тянуло в науку, причем первые два года работы в школе (а это были школы в г. Уфе, куда я поехал работать после окончания университета) я не осознавал до конца, чем хочу заниматься в науке. И тогда я решил сдать кандидатские экзамены. Я прикрепился для этого в Башгосуниверситет и за год, второй сезон работы в школе, сдал английский язык и диамат с истматом. В 1961 г. я по семейным обстоятельствам переехал в Свердловск и поступил работать вновь в школу историком. В это время в Свердловске начала исследования научная группа Академии педнаук СССР. В ней работали опытные педагоги, только началось преподавание обществоведения в школе, что меня особенно привлекало. Я приглянулся этим людям как молодой учитель, тем более что у меня были сданы два кандидатских экзамена и открывался простор для написания диссертации. И именно в это время, примерно с 1962 года, я стал задумываться о работе не в педагогике, а в сфере науки, о которой почти ничего не знал, но именно поэтому и хотелось попробовать в ней

свои силы. Это была социология, о которой в начале 1960-х гг. не знал не только я, но и подавляющее большинство тех, кто работал в общественных и социально-гуманитарных науках.

Здесь произошла история, которая сильно подтолкнула меня к выбору дальнейшего пути. В 1963 г. меня рекомендовали (все та же научная группа АПН) для приема вступительных экзаменов по истории в Свердловский юридический институт. Я принимал экзамены в июле-августе с зав. кафедрой истории государства и права Б.Ф.Ливчаком; через несколько лет он блестяще защитил докторскую диссертацию. Это был умнейший, интеллигентнейший и образованнейший человек, при этом он оставался всегда предельно деликатным. Мы с ним вели долгие и очень интересные разговоры. В конце концов он мне сказал: А почему бы Вам не пойти к ректору и не попроситься на работу в институт? Я так и сделал. Я просто пришел к ректору и сказал: «Хочу работать у вас в институте на кафедре философии». Ректор очень удивился и спросил меня, кто я такой и что знаю и умею делать. Я сказал, кто такой, назвал три сданных кандидатских экзамена (к этому времени я, работая в школе Свердловска, сдал еще один экзамен по французскому языку, хотя никакой необходимости в этом не было, просто хотелось самостоятельно изучить этот язык). Сказал также, что в вузе не преподавал, делать это не умею, но очень хочу научиться, хочу стать хорошим педагогом и заниматься социологической наукой. Ректор удивился еще больше, поскольку о ее существовании только смутно догадывался, он был юристом, специалистом по международному праву, но не знал точно, что это за наука; последнее, естественно, плохо представлял тогда и я. Однако, увидев страстное желание молодого человека, вызвал исполняющую обязанности заведующей кафедрой (сам зав. кафедрой — Г.П.Орлов, с которым я познакомился на ноябрьской демонстрации 1963 г. и с тех пор дружу вот уже 50 лет, осенью, я надеюсь, мы отметим с ним эту круглую дату, сейчас он уже не работает, на пенсии, скоро ему исполнится 85 лет, и дай Бог ему долгой жизни и здоровья — уехал в Москву в ИПК), поручил ей найти для меня почасовую нагрузку и походить на мои занятия. Занятия, видимо, были признаны не самыми плохими (у меня за плечами была четырехлетняя работа в школе, так что методикой преподавания я владел довольно сносно), и меня взяли в штат.

Переход в вуз означал для меня начало новой жизни, новой, большой работы, и в ее «омут» я самозабвенно «кинулся». Мне очень нравилось работать со студентами, я читал им диамат. Но главной стала моя работа в области социологии. Об этом следует сказать подробнее, поскольку именно с осени 1963 г. все началось. Было это так.

Как я уже говорил, на ноябрьские праздники 1963 г. из Москвы приехал зав. кафедрой философии Георгий Петрович Орлов. На демонстрации мы с ним познакомились, сразу, буквально в одну секунду почувствовали взаимное расположение и подробно поговорили о том, чем бы я хотел заниматься. Я ему сказал, что только социологией. Тогда он поднял вверх указательный палец, сказал «О!» и тут же мне предложил тему. Дело в том, что в Москве, в ИПК он начал заниматься проблемой свободного времени. Его научным руководителем там был М. Т. Иовчук. И он ему — Г. П. — сказал, что только что приехал из Парижа, и там этой проблемой активно занимается, далее цитирую Иовчука со слов Орлова — «то ли Мумазедье, то ли Дюмазедье». При этом Иовчук сказал,

что если бы нашелся парень, который владеет, хотя бы плохонько, иностранным языком, то было бы здорово, потому что нам надо заниматься критикой буржуазной социологии, а что такое буржуазная социология досуга, никто толком не знает. По существу я получил предложение и тему. Судьба моя была решена, и безвозвратно. Здесь я перейду к ответу на следующий вопрос.

Не припомните, по каким отечественным и зарубежным книгам Вы осваивали теорию и методы социологии?

Я представляю то старшее поколение отечественных социологов, которое не имело возможности получить настоящее профессиональное образование; парадокс ситуации состоит в том, что в нашей стране социологов-профессионалов готовят в большинстве все еще социологи без соответствующего систематического образования. Понятно, что в молодости приходилось читать по социологии все, что оказывалось перед глазами. С отечественной социологией было просто в том смысле, что литературы выходило не так много, и вся она, так или иначе, доходила до меня. Поэтому читал все, что было и что издавалось. А было и издавалось не так много. По зарубежной социологии были вообще крохи: перевод книги Морено «Социометрия» (1958), «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» (под ред. Г.Беккера и А.Боскова), 1961. Вышли переведенные материалы (не все, конечно) V Всемирного социологического конгресса (1962 г., Вашингтон). По-моему, они были опубликованы в 1964 г. и готовил их Г.В.Осипов. Поскольку я был членом Советской социологической ассоциации (ССА), то получал информационные бюллетени, они издавались на ротاپринте тиражом 980 экз. Это было самое интересное. Там были и переводы зарубежных работ по методике и технике исследований.

Сложнее было с первоисточниками — работами зарубежных социологов: по межбиблиотечному абонементу (МБА) книг высылалось мало, поэтому любую командировку в Москву (кроме самой первой, о которой еще скажу) я стремился сочетать с работой в библиотеках. Это было ужасно, потому что в Москве, кроме библиотек, были еще театры, Большой зал консерватории... Самая большая проблема состояла в том, чтобы успеть как можно больше и поработать, и послушать, и посмотреть.

Работая дома, старался как можно больше заказывать литературы на английском и французском языках по МБА. Присылали книги (правда, далеко не все, в среднем, каждую пятую из заказа), микрофильмы. Помню, что читал на французском Ж.Фридмана (крупнейшего представителя социологии труда, его знаменитую работу «*Où va le travail humaine?*» - «Куда идет человеческий труд?»), Ж.Фурастье, Ж.Дюмазедье и др.

Поскольку назвал последнего, чуть отвлекусь от канвы изложения. С Жоффром Дюмазедье мне посчастливилось познакомиться лично в Варне в 1970 г., на VII Всемирном социологическом конгрессе, за что огромное спасибо Б.А.Грушину — он был с ним хорошо знаком, очень тепло представил меня французскому социологу, который был президентом исследовательского комитета по социологии досуга и вел его заседание. На этом заседании я делал доклад на английском языке о проблемах теории свободного времени. Перед конгрессом у меня как раз была опубликована брошюра на эту тему. До сих пор помню публичную полемику Дюмазедье со мной после моего доклада. Он мне сказал тогда, что мы (в СССР) неправильно интерпретируем Маркса. А получилось так,

что мы не знали еще его «Философско-экономических рукописей 1857-1859 гг.», они не были переведены в то время на русский язык, это было сделано лет через пять, а там есть целый параграф о свободном времени. Дюмазедье же читал их, так что урок был преподан хороший. Кстати, на самую фундаментальную работу Дюмазедье «К цивилизации досуга» («Vers une civilization du loisir») я написал большую аналитическую рецензию и опубликовал ее, по-моему, в «Вопросах философии».

Продолжая разговор о том, кого из социологов читал в первой половине 1960-х, должен назвать американцев М.Каплана, Г.Виленски, Н.Андерсона и других — всех уже не вспомню, их было много. Но должен сразу сказать, что «классиков» в оригинале читал мало. Так, Парсонса в спецхране Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР (ФБОН) мне просто не давали на том основании, что у меня нет необходимой формы допуска. Поэтому работал в основном с социологической литературой по проблемам труда и свободного времени. Этому еще способствовал и резкий дефицит времени на научную работу, приходилось тщательно отбирать то, что нужно в первую очередь. А эта очередь — кандидатская диссертация. Жилось бедно, содержать семью на ассистентскую зарплату (105 руб.) было непросто, да еще и выплачивать за кооперативную квартиру. Родился сын. Поэтому первоочередной задачей было написание кандидатской диссертации. Между тем, приходилось зарабатывать деньги (дополнительные к зарплате), в основном путем чтения лекций по линии общества «Знание». На это уходило немало времени.

Мощным фактором, способствующим моему социологическому образованию, стала самая первая научная командировка в московские библиотеки — это было в апреле 1964 г. Я провел в них ровно 30 дней — с 1 по 30, что называется, от звонка до звонка. Приходил первым, уходил последним. Работал в трех библиотеках: в уже названной ФБОН, Ленинке и Библиотеке иностранной литературы (она находилась на ул. Степана Разина в Зарядье, за Красной площадью), без выходных дней. Привез без преувеличения чемодан переводов, что позволило мне за последующие полгода написать кандидатскую диссертацию (которую в начале апреля 1965 г. защитил).

Л. Н. Коган был «своим» во многих социологических центрах: Москва, Ленинград, Поволжье и Сибирь, Эстония... когда Вы начали знакомиться с социологами из других городов? Кто из них в те годы и позже в большей степени оказал влияние на ваши научные интересы?

Мои знакомства с социологами из других городов никак не были связаны с именем Когана, разве что на мне лежал отсвет «славы» человека из города, в котором он жил и которого (Когана) я хорошо знал. Когда люди узнавали, что я из Свердловска, первый вопрос был не о городе, не обо мне, а о Когане: ну как он? И когда слышали, что он в полном порядке, очень радовались и непременно просили передать ему привет (что я старался никогда не забывать делать). Разница между Коганом и мной в возрасте (15 лет) была в годы моей социологической молодости просто громадной. Это потом она стала стираться — вплоть до того, что Лев Наумович неоднократно предлагал мне (уже в начале 1990-х) называть его на «ты» и «Леня», т.е. так, как звали его самые близкие к нему люди. Кстати, я так и не смог перейти, более того, не хотел переходить на такой стиль общения. Он был для меня всегда Учителем на «Вы».

Основным каналом знакомства и общения с социологами было участие в конференциях, я старался по возможности это делать, когда меня на них командировали. Очень много в этом плане дала мне поездка в Польшу летом 1965 г. в составе группы социологов, куда входили О. И. Шкаратан, В.Т.Лисовский, З. И. Файнбург, В. Г. Мордкович и ряд других, менее «маститых» по тем временам. Поездка эта была организована ЦК ВЛКСМ, а поскольку я был связан с молодежной проблематикой и регулярно навещался в отдел, который возглавлял В.Васильев, то и получил такое предложение поучаствовать в этой поездке. От нее я получил громадную пользу. Мы были в Польше порядка трех недель, причем это была не туристская, а насыщенная по программе рабочая поездка с целью познакомиться с деятельностью польских социологов. Именно тогда я познакомился с З. Бауманом, А. Клосковской, П. Весоловским, З. Скужиньским, К. Жигульским (потом он стал министром культуры Польши) и др. Чрезвычайно полезным с точки зрения знакомства с социологами было участие во Всесоюзной конференции «Молодежь и социализм» (1967 г.).

Как мне кажется, я довольно быстро стал узнаваемым человеком в нашей профессиональной среде. Этому способствовала и моя публикационная активность. Я много печатался в разных журналах – «Философские науки», «Вопросы философии», «Молодой коммунист», «Советская педагогика», «Новые книги за рубежом по общественным наукам» (это был реферативный журнал) и др. В 1970 г. вышла моя первая книга в соавторстве с Г. П. Орловым – «Досуг: действительность и иллюзии»; ее рецензировал Б. А. Грушин. Естественно, она добавила мне известности как «критику буржуазной социологии» (в то время выход монографии считался совсем не рядовым событием), по этой книге, разумеется, не только по ней, Г. П. Орлов вскоре защитил докторскую диссертацию. Но, пожалуй, первой работой, которая принесла мне известность в профессиональном сообществе, была совместная статья с Г. П. Орловым в «Философских науках» – «Трактовка свободного времени в буржуазной «социологии досуга» (1964, №6). Она была написана в мае – начале июня 1964 г. по горячим следам моей первой поездки в Москву (о ней я говорил выше) и тем материалам, которые я привез оттуда. Судя по информации, полученной из Москвы, статья произвела большое впечатление на Иовчука, который был тогда главным редактором журнала, и он велел из уже сверстанного №6 (журнал выходил тогда 6 раз в году) перенести в следующий номер какую-то статью, а нашу с Г. П. Орловым срочно поставить в номер. Несколько лет назад мне подтвердил эту информацию Д. И. Дубровский, который был в то время зав. отделом этого журнала.

Теперь о влияниях на меня и мои научные интересы. Из отечественных социологов я бы назвал в первую очередь В. А. Ядова и Л. Н. Когана. Время не изменило моих пристрастий. О Когане уже говорил и больше добавлять ничего здесь не буду. А вот о В. А. Ядове не могу не сказать. Я и сейчас считаю его, как и раньше, самым крупным, самым значительным нашим социологом и поистине благодарен судьбе за возможность учиться у него, причем не столько лично (этого, к сожалению, было крайне мало), сколько по его работам. Если же учесть, что Владимир Александрович был моим оппонентом на защите докторской диссертации, проявив смелость и глубокую порядочность (тогдашний директор ИСИ и председатель ССА, которого перевели из Свердловска в Москву, не хочу повторять его фамилию, ранее уже названную мною, «настоятельно» отговаривал его

от этого шага, а ведь на дворе был 1973 год), нетрудно представить мое благодарное отношение к нему. Когда я встретил Ядова ночью в аэропорту Свердловска (куда он прилетел на мою защиту), и мы с ним сели в машину, первое, что он сказал мне, это то, что у меня в Москве есть очень влиятельный «друг» и что я должен быть готов психологически и морально ко всяким пакостям с его стороны. Как же Ядов оказался прав!

С Ядовым (в отличие от Когана) я никогда не был знаком достаточно близко. Конечно, он меня знал с молодости: мои статьи в «Философские науки» проходили через него как члена редколлегии. Опять же докторская диссертация... Я ему дарил некоторые свои учебники и книги. Не знаю, какого он обо мне мнения (смею только надеяться, что не самого плохого). Важно другое: есть люди, по отношению к которым ты всю жизнь чувствуешь себя учеником. Для меня в социологии из тех ученых, с которыми я общался лично, таких было двое: В. А. Ядов и Л. Н. Коган.

Говоря о людях, с которыми меня свела судьба и которые оказали на меня самое благотворное воздействие, не могу не назвать имени профессора Георгия Петровича Орлова, умнейшего и добрейшего человека. Я не видел руководителя кафедры более мудрого, чем он. И если я чему-нибудь научился в этой области профессиональной деятельности (а заведовал я кафедрами, с небольшим перерывом, почти 40 лет), то в значительной степени благодаря ему. Мы писали с ним вместе первые наши совместные статьи (1965-1968), первую нашу книгу «Досуг: действительность и иллюзии» (1970), первый наш социологический учебник «Введение в социологию» (1992). Я многому у него учился. Нашей творческой и просто человеческой дружбе исполняется в этом году 50 лет, а ему — 85. Как бы хотелось увеличить и первую, и вторую цифру!

Возвращаясь в начала 1960-х, мы вспоминаем многих, кто в той или иной степени занимался изучением бюджета времени. Была небольшая книжечка по свободному времени у Б. А. Грушина, В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов провели свое первое социологическое исследование, под дружеским давлением И. С. Кона, именно по этой проблематике, она же была темой кандидатской диссертации В. В. Водзинской, под руководством Здравомыслова началось обширное лонгитюдное изучение бюджета времени аппарата ленинградских райкомов КССС, в Новосибирске с подачи Г. А. Пруденского активно работали В. Д. Патрушев и В. А. Артемов. Наконец, классика - «Человек после работы» Л. А. Гордона и Э. В. Клопова. Чем вы объясните этот феномен?

Вопрос об интересе к проблематике свободного времени и изучению бюджета времени в целом, отдельных категорий населения в особенности — не простой. Для начала я скажу о том, что во второй половине 1960-х гг. сложилось несколько центров исследования этой проблемы. В Москве это были исследования, которые провел Б. А. Грушин, сотрудничая с «Комсомольской правдой». Газета тогда провела анкетный опрос населения страны. Автором анкеты был он. Результаты были обобщены в книжке Б. А. Грушина «Свободное время: актуальные проблемы» (М., 1967). Чуть позже этой проблемой начали заниматься в Москве же Л. А. Гордон и Э. В. Клопов. Их знаменитое исследование в Таганроге нашло отражение в книге «Человек после работы» (М., 1972), которая по замыслу должна была стать продолжением ядовско-здравомысловской «Человек и его работа». Насколько я понимаю, тема свободного времени

никогда напрямую не интересовала ни того (Ядова), ни другого (Здравомыслова). То, что последний изучал бюджет времени парт. работников, было, по-моему, проходным и всерьёз его не интересовало. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что серьёзных публикаций на эту тему у Андрея Григорьевича не было. По крайней мере, я их не видел. А копал я эту проблему в те годы достаточно серьёзно, и практически все, что выходило в печати, попадало в сферу моего внимания. И если уже говорить об исследованиях в Ленинграде, то их вел Александр Васильевич Неценко, которого я очень хорошо знал. Он очень глубоко и тщательно изучал бюджет времени студентов Питера, издал книгу «Социально-экономические проблемы свободного времени при социализме» (Л., 1975), защитил на эту тему докторскую, а в 1980-е гг. переехал в Минск (он развелся, женился вновь, и ему с женой в Минске дали квартиру и работу. Я у него там был, когда приезжал в Минск оппонировать: это было в день Чернобыльской трагедии, потому и запомнил).

Было в стране еще два центра изучения обсуждаемой проблемы – в Новосибирске (Красноярске) и Свердловске. Самый большой был в Новосибирске, где исследованиями руководил Г. А. Пруденский. Он переехал в Новосибирск из Свердловска, где после войны был сначала ректором Политехнического института (на базе которого и существует сейчас Федеральный университет), а затем секретарем Свердловского ГК КПСС по пропаганде. В Новосибирске Пруденский стал директором Института экономики и организации производства (собственно, он поехал в Академгородок за членкорством, которое и получил, но до академика не дослужился, поскольку вскоре умер). Вышла у него в 1964 г. книга «Время и труд», где он ввел категорию «вне-рабочее время» (думаю, с подачи его ученика В. Д. Патрушева, который сначала работал в Красноярске, а потом его перевез в Новосибирск Пруденский; кстати, Патрушев в Новосибирске задержался не очень надолго: как только директором ИСИ стал Руткевич, он пригласил Патрушева в Москву, в ИСИ). Г. А. Пруденского я лично не знал, а В. Д. Патрушева – знал очень хорошо, тем более что он часто выполнял указания директора ИСИ и вел себя далеко не всегда чисто плотно, в том числе по отношению ко мне. Но и эту страницу я хочу быстрее перевернуть и не фиксировать надолго на этом эпизоде внимание. В Новосибирске была очень неплохая группа исследователей бюджетов времени, в том числе и свободного времени: В. А. Артемов, Б. П. Кутырев, Л. С. Колобов, В. И. Болгов (который тоже потом переехал в ИСИ) и др. Сейчас из этой когорты остался один В. А. Артемов. Справедливости ради я должен сказать, что самые серьёзные исследования бюджета времени вели Патрушев и Артемов.

Наконец, не могу не сказать о центре исследований в Свердловске, который возглавили Г.П.Орлов и я. Его особенностью была разработка теории свободного времени, эмпирических исследований во второй половине 1960-х-начале 1970-х гг. по этой проблеме почти не проводилось. В 1970 г. вышла наша совместная работа «Досуг: действительность и иллюзии», в этом же году Г. П. Орлов защитил докторскую. В 1973 г. сделал это и я, тема моей работы – «Свободное время как социологическая категория: социально-исторический анализ». Я попытался показать сквозной характер проблемы свободного времени (в докапиталистические эпохи – досуга) как с точки зрения его практического использования, так и теоретического анализа (сначала в философии, а затем –

с XIX века — в социологии), доведя исследование до наших дней. Значительную часть работы составлял анализ зарубежной социологической литературы (на английском, французском, польском, чешском, болгарском языках). Высшей похвалой для меня (помимо единогласного голосования, один бюллетень оказался испорченным) была оценка диссертации В. А. Ядовым и Л. Н. Коганом; оба были моими официальными оппонентами.

Кстати, здесь же отвечу на вопрос о теме кандидатской диссертации — «Критика буржуазной социологии досуга» (защищена в апреле 1965 г.). Тогда по-другому работу нельзя было называть, даже и мысли об этом не было. Реально моя задача заключалась не в том, чтобы «разбить идейных врагов», а в том, чтобы показать фактуру, тот материал, который реально люди делали. Я старался как можно больше цитировать зарубежных социологов, принцип же моего писания был такой: умный поймет, а дураку и не надо.

Касаясь работы свердловских социологов по проблеме свободного времени, должен сказать, что они группировались вокруг кафедры философии юридического института, где работали Орлов и я. Это были в основном наши с ним аспиранты и некоторые преподаватели из других вузов города, многие из которых потом защитили не только кандидатские, но и докторские диссертации (но уже не по проблемам свободного времени). Среди них был мой любимый ученик Виктор Григорьевич Черников, которого я вел со студенческой скамьи и который стал моим первым аспирантом. Затем он защитил и докторскую диссертацию — по проблеме социального пространства. Сейчас он профессор, живет и работает в Рыбинске.

Теперь я попытаюсь объяснить, почему в то время (1960-е — начало 1970-х гг.) был такой интерес к поставленной проблеме. Возрождение, или, точнее, новое рождение отечественной социологии (здесь я абсолютно с Вами согласен) шло в разных направлениях — не только тематических и содержательных, но и «методных». Поскольку социология была занята мучительным поиском точных, строгих, адекватных методов, то внимание и было обращено к одному из них. Это был метод изучения бюджета времени. Когда каждый вид деятельности, вся повседневная жизнь могут быть выражены строго в часах и минутах, процентах, удельных весах и т.д., это дает понимание не приблизительности данных оценочного характера, а определенности и точности результатов. Материалы таких исследований могут быть использованы в управленческих решениях (если они кому-нибудь будут нужны). Важно другое: исследуя социальные процессы таким путем, социология обозначала свое место в системе научного знания и претензии на то, чтобы это место занять. Поэтому, когда задавался традиционный вопрос о том, что социология может, тут же из рукава доставалась козырная карта в виде точного метода, с помощью которого можно было получать неявное знание. Думаю, что приведенное объяснение не является исчерпывающим, но, как мне кажется, является каким-то ответом на поставленный вопрос.

Сначала напомню Вам, что самое первое исследование А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова было сделано с подачи И.С.Кона, который прочитал в «Коммунисте» статью Г. А. Пруденского и «зажегся». Что касается отсутствия у Здравомыслова публикаций по изучению бюджета времени, то объяснение лишь одно: и сам факт этого проекта, и — тем более — результаты были абсолютно засекреченными. Надеюсь, в скором времени выйдет статья его коллег Л. П. Абрамовой и Г. Г. Филиппова, в которой многое будет рассказано.

И дополнение к предыдущему вопросу: «А не кажется ли вам, что Г. А. Пруденский в своих исследованиях шел от ощущения необходимости изучения реальности и от стремления продолжить работы С. Г. Струмилина? Т.е., к социологии от экономики?»

Отчасти, возможно, что и так. Но я думаю в этой связи немного о другом. Г. А. Пруденский руководствовался, как мне кажется, идеей переструктурирования социального времени, точнее, приспособления его структуры к потребностям конкретного (эмпирического) исследования, а еще больше – изучения общества, его классов (социальных групп), трудовых коллективов и т.д.. Чтобы его осуществить, нужна была операционализация социального времени, выполненная на иной, нежели у Струмилина, основе. С. Г. Струмилин исходил из выделения в структуре времени общества двух его частей – необходимого и свободного. Пруденского, по указанной мной выше причине, такой подход не устраивал, равно как не устраивала структура, включавшая в себя рабочее и свободное время. Между ними должны были находиться временные характеристики видов деятельности, которые непосредственно не относились ни к тому, ни к другому. Так появилось внерабочее время, противостоявшее рабочему и включавшего в себя свободное время. Здесь, конечно, имели еще значение признаки свободы (свободной деятельности), по-разному присутствовавшие в каждой из временных структур. Конечно, Г. А. Пруденский не хотел быть экономистом больше, чем Римский папа – католиком. Но он не хотел быть и таким же экономистом, как папа. Думаю, что в условиях зарождавшейся социологии он хотел быть и тем, и другим – и социологом, и экономистом.

Второй вопрос о З. И. Файнбурге. Я не был с ним знаком, лишь просматривал его некоторые статьи. Но из бесед с Т. И. Заславской, Г. В. Осиповым возникает очень располагающий образ этого человека: многогранный ученый, человек, отлично понимавший свое время, профессор. Что вы могли бы добавить к портрету Файнбурга?

Я достаточно хорошо знал Захара Ильича Файнбурга на протяжении многих лет – с 1965, когда познакомился с ним в Польше (я об этом уже говорил выше), вплоть до его смерти в 1990 г. Его жена – Галина Петровна Козлова, умнейшая женщина и прекрасный экономист, она была к.э.н., вместе они написали ряд работ – после его смерти прислала мне большой (на целую газетную полосу) некролог, и вскоре после этого умерла сама. А с их сыном Григорием – он доктор технических наук, большая умница, мы поддерживаем также очень теплые отношения, но видимся редко, в основном на Файнбургских чтениях, которые регулярно, раз в два года, устраивают пермские социологи из Политеха (ныне Пермский технический университет), где З.И. много лет заведовал кафедрой. З.И. был прекрасным социологом, теоретиком, методологом и эмпириком в равной мере. Он участвовал в составлении самых первых планов социального развития. Сфера его традиционных интересов – не только труд, но и творчество, прежде всего научно-техническое, хотя писал он и о многом другом. Его волновали проблемы будущего общества, особенно в связи с анализом творчества Маркса, на которое у него всегда были свои собственные, нетрадиционные для советского времени взгляды.

Помимо этого, он очень увлекался научной фантастикой — в том смысле, что занимался научным анализом произведений научных фантастов. Помню, что когда мы были в Польше, он ездил к С. Лему, который жил в то время где-то в горах, по-моему, польских Закопане. Приехал от него счастливый и вдохновленный. Он был намного старше нас и мудрее. Никогда не забуду, как он меня поддерживал во время событий, связанных с появлением моей книги в 1974 г. «Пространство и время как формы социального бытия». Тогда Руткевич спустил на меня всех собак, обвинив в субъективном идеализме, метафизике, потворничестве западным авторам и т.д. Он тогда был в «расцвете» власти — директор ИСИ, председатель президиума ССА, председатель Экспертного совета ВАК и т.д. В общем, был облечен полномочиями по полной. Во всех своих статьях и книгах того времени он не пропускал ни одной возможности лягнуть меня. Его слово было приговором. После выхода в свет «Пространства и времени...» он написал письмо в Свердловский Обком КПСС, чтобы наказали не только меня, но и рецензентов, которые пропустили такое... Потребовал созыва городского семинара преподавателей общественных наук с резолюцией «осудить». Именно в это время Захар Файнбург (мы были с ним на «ты») убеждал меня в том, что все, что делает Руткевич, в конечном итоге обернется для меня хорошо. Его он терпеть не мог, звал только презрительно — «Мишка». А говорил примерно так: Как ты не понимаешь, он придает тебе популярности. Кто бы так узнал о твоей книге, которая издана в Свердловске тиражом тысяча (или две) экз. А так о тебе знает не только вся страна, но и весь мир, вон сколько писем получаешь с просьбой выслать экземпляр книги. Все же знают, если Мишка пишет, что плохо, значит, на самом деле хорошо. И запомни, сказал он мне в конце разговора, Мишки не будет, а книга останется. Сейчас вспоминаю, что аргументы З. И. Файнбурга подействовали на меня тогда очень успокаивающе, поскольку мое психологическое состояние было не из лучших. Захар Ильич был не простым человеком, зачастую бескомпромиссным, особенно по отношению к некоторым власть имущим. Не всегда у него складывались отношения и с Л. Н. Коганом, между яркими людьми это бывает. Подчас даже трудно объяснить, почему. Тем не менее, в целом они ладили. Я абсолютно подтверждаю тезис о том, что З. И. был блестящим профессором и очень неординарным человеком. Не зря вот уже больше 20 лет в Перми чтят его память, издают избранные работы и посвящают его творчеству конференции.

Пока Вы предстаеете как социолог-теоретик, методолог. Приходилось ли вам заниматься прикладными (тогда говорили конкретными) исследованиями?

Приходилось ли мне заниматься эмпирическими (конкретными) исследованиями? Да, конечно, и немало. Мне импонирует мысль Н. И. Лапина о том, что социологом может считать себя только тот, кто провел от «А» до «Я» хотя бы одно социологическое исследование. Я и сам так думал с достаточно давней поры. Но от него я услышал это раньше, чем сам сказал (точнее, сказал бы) об этом публично. На раннем этапе (от 1963 г. до начала 1970-х) это было исследование свободного времени школьников, которое мы проводили по заказу АПН СССР и просьбе журнала «Советская педагогика» (в нем была опубликована статья по материалам исследования: Г. Е. Зборовский, Г. П. Орлов. Правильное использование свободного времени школьников — одно из средств воспитания // Советская педагогика, 1966, №6). Это было самое первое эмпирическое иссле-

дование в моей жизни. Потом это были исследования бюджетов времени студенчества. Во второй половине 1970-х гг. под моим руководством было проведено многомерное исследование образа жизни учительства Свердловской области (мне кажется, одно из первых в стране), которое мне доставило кучу проблем и неприятностей (об этом нужно говорить специально), из-за этого исследования я чуть было не поплатился работой и партбилетом. В 1980-е гг. я руководил исследованиями в системе профтехобразования, в первую очередь, инженерно-педагогических работников. Кроме того, кафедра, которой я заведовал, вела хоздоговорные исследования (опять же под моим руководством) на двух крупных уральских заводах — Турбомоторном в Свердловске и Автозаводе в Миассе (в Челябинской области) — это завод по производству знаменитых (или печально-знаменитых) грузовых «Уралов». В 1990-е — 2000-е гг. мы исследовали проблемы образования (самые разные и в разных типах образовательных учреждений). Из исследований последних лет — только недавно закончили крупную работу по проблемам социокультурной адаптации и обучения детей мигрантов в Ханты-Мансийском автономном округе (это один из самых мигрантоемких регионов, поскольку он очень богат — добыча нефти и газа), издали по его итогам большую монографию (около 30 п.л.): Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах. Ханты-Мансийск, 2012. В «Социсе», уже в этом году, вышла наша статья по материалам этого исследования (Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации //Социс. 2013, №2).

И это далеко не весь перечень проведенных эмпирических работ, многое еще можно было бы вспомнить. Думаю, что десятка два исследований, не меньше, было проведено с моим участием и под моим руководством. В этой сфере социологической деятельности я очень активно сотрудничаю последние 20 лет с моей ученицей Шуклиной Еленой Антольевной (она у меня писала кандидатскую и докторскую по проблемам социологии самообразования; она профессор, д.с.н., у меня с ней в соавторстве несколько книг: «Прикладная социология», М., 2004; «Социология образования», М.: Гардарики, 2005; «Социология педагогического образования», Екатеринбург, 2011 — вместе с еще одним моим учеником — д.с.н. В. П. Засыпкиным и очень много самых разных других публикаций). Она прекрасный специалист в области методологии, методики и техники социологических исследований.

Тем не менее, я никогда не считал себя ни прикладником, ни эмпириком и относил (отношу) себя, прежде всего, к теоретикам. Кстати, только сейчас закончил писать статью по заказу главного редактора «Социса» Ж. Т. Тощенко (я в этом журнале член редакционного Совета) «Теоретическая социология: quo vadis» (если опубликуют, поскольку я очень сильно полемизирую с «социологической властной элитой»).

Какие теоретические вопросы социологии Вы изучаете сейчас и какие ответы, пусть в первом приближении, вырисовываются?

Это невероятно сложный вопрос, самый сложный из всех заданных Вами точно, а может быть и из тех, которые еще будут заданы. Причем он сложен своей второй частью. Есть еще и такой элемент сложности ответа, как должная быть его относительная краткость. Иначе получится пространная теоретическая ста-

тъя. Начну с некоторых итогов за последние 5-6 лет, чтобы было ясно текущее состояние теоретических поисков, потому что именно это время было важным с точки зрения их определения.

За эти годы у меня вышло три больших работы, каждая из которых знаменует определенное направление моих теоретических интересов и соответствующих им исследований. Это «Теоретическая социология XX - начала XXI века» (Екатеринбург, 2007, объем 21 п.л.), «Теория социальной общности» (Екатеринбург, 2009, 18 п. л.), «Знание и образование в социологии: теория и реальность» (2013, 28 п. л.). В перерывах между ними вышло несколько книг, написанных в соавторстве с В. П. Засыпкиным и Е. А. Шуклиной в рамках социологии образования по материалам эмпирических исследований («Социология педагогического образования», 2011, 27 п. л.; «Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах», 2012, 27 п. л., «Учительство как социально-профессиональная общность: проблемы методологии и методики исследования», 2012, 9 п. л.). Из этого перечня опубликованных работ можно сделать вывод, что одним из актуальных направлений в моей работе является социология образования, причем на протяжении многих лет. Только в рамках этой отраслевой социологии за последние 20 лет я опубликовал пять книг, как монографий, так и учебных пособий (десятков статей не касаюсь). Но об этом я не буду говорить специально, а только лишь тогда, когда речь пойдет о последней монографии, она вышла в свет пару месяцев назад.

Начну с первой работы, посвященной метапарадигмальной модели современной теоретической социологии. Меня давно интересует вопрос о систематике социологических теорий. Когда я писал «Историю социологии», естественно, использовал этапный подход (традиционно выделял классический и современный этапы с разбивкой каждого на периоды). Теорий и парадигм в социологии всегда хватало, и они были «расположены» и рассмотрены мною поэтапно и «попериодно». Я отказался от основного, господствовавшего в литературе способа их изложения – постранового («Развитие социологии во Франции, Англии, США в такой период» и т.д.). Тогда (больше 10 лет назад) я поставил вопрос о необходимости создания в социологии некоего аналога «Периодической системы химических элементов», который позволил бы сгруппировать, проклассифицировать, систематизировать по определенным критериям имеющиеся и будущие теории. Но как это сделать, я тогда не видел. В «Теоретической социологии...», мне кажется, я нашел такой «ключ». Им оказался, как я его назвал, метапарадигмальный подход. Все структуры социологического теоретического творчества (концепции, теории, парадигмы, метапарадигмы) я объединил для рассмотрения в рамках пяти основных метапарадигм: классической, неоклассической, постклассической, неклассической, постнеклассической. В основе подхода – отношение к классической социологии (самое разное, в каждой метапарадигме – свое). Соответственно, с учетом внутренних критериев структурирования (понимание общества, объекта и предмета социологии, объективного-субъективного, макро- микросоциологического и т.д.), была предпринята попытка распределить существующие теории и парадигмы по соответствующим клеткам и линиям таблицы. Решению именно этой задачи и была посвящена упомянутая книга.

Совершенно другая цель была поставлена в «Теории социальной общности». Мне давно было ясно, что объект социологии – общество – есть полная абстракция, которая не подлежит реальному и, тем более, эмпирическому изучению. А что тогда подлежит? К ответу на этот вопрос меня подтолкнула идея В. А. Ядова, сформулированная им относительно предмета социологии в году 1990-м. Тогда он писал, а потом несколько раз повторил в последующие годы и в разных работах, что в таком качестве выступают социальные общности. Стало понятно, что общество не только можно, но и нужно рассматривать в качестве взаимосвязи (Ядов писал сначала – совокупности, что менее точно) социальных общностей. Но главным, конечно же, и именно это я и старался доказать, является изучение взаимодействия социальных общностей, выступающего в качестве ядра предметного поля социологии.

Но для теории социальной общности такая трактовка – только исходный пункт, не более того. Оказалось, что те признаки социальной общности, которые ей традиционно приписывались со времен Ф. Тённиса, а в конце прошлого – начале нынешнего века рядом зарубежных и отечественных социологов (включая Смелзера, Щепаньского, Ядова и др.), недостаточны. Нужны новые характеристики, отвечающие реалиям и, тем более, новым типам социальных общностей (например, виртуальным). Помимо социокультурных, этнических, демографических, территориальных, профессиональных, религиозных и др., требует нового подхода признак идентификации (самоидентификации). Существенное значение приобретает хронотоп социальной общности, выявление ее ресурсов (ресурсный подход), реализация функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и др. Я постарался применить структурный подход к социальной общности и связать его с ее социальным действием (использовал для этого теорию структуризации Гидденса), рассмотрел повседневные практики социальной общности и ее образ жизни, дал классификацию социальной общности и охарактеризовал основные ее виды (по самым разным основаниям).

Наконец, в моей последней монографии «Знание и образование в социологии: теория и реальность» я постарался подвести некоторые итоги своей работы в области изучения образования и знания за последние 15 лет. То, что я делаю сейчас, в известной мере есть продолжение нескольких взаимопересекающихся линий теоретического анализа, наметившихся раньше. Дело в том, что, постоянно отслеживая и анализируя проблематику общей социологической теории, я испытывал каждый раз необходимость исследования ее взаимодействия с отраслевыми социологиями и разработки таким образом специальных социологических теорий, поскольку каждая из них есть следствие определенного соотношения общей и отраслевой социологии.

Здесь я подхожу к вопросу о необходимости четкого разграничения отрасли социологии и специальной социологической теории, которое, к сожалению, зачастую игнорируется в научной литературе. Если отрасль социологии связана с наличием конкретного предметного поля, специфической сферы исследования, то специальная социологическая теория, также имеющая свою специфическую предметную зону, есть особым образом организованное логическое обобщение изучаемой социальной практики, связывающее общую социологическую теорию с эмпирическим исследованием этой практики. Таким образом, специальные социологические теории могут существовать как в рамках отдельных отраслей

социологического знания (например, различные теории образования в границах социологии образования), так и на стыке их с общей социологической теорией (институциональные теории образования).

Работая в границах таких отраслей социологической науки как социологии свободного времени, образа жизни, образования, знания, управления, культуры, я стремился исходить из общих принципов создания, построения конкретного знания. Если этого не делать, можно прийти прямо и непосредственно к разрыву между общей и отраслевой социологиями, общей и специальной социологическими теориями. Многие ошибки, недостатки и проблемы в наших исследованиях возникают уже тогда, когда мы не сопоставляем предмет социологии как науки в целом с предметом той или иной отраслевой социологии. Посмотрите, как в литературе определяют предмет социологии труда, социологии молодежи, социологии города, социологии досуга и т.д., и вы увидите, что зачастую нет никакой связи между определениями и трактовками предмета социологии как науки в целом и предмета той или иной конкретной области социологического изучения.

Особый теоретический интерес в последние годы у меня проявляется к поиску связей между различными отраслями социологического знания, объективно расположенными «близко» друг к другу по объекту, предмету, кругу рассматриваемых проблем, а субъективно — с точки зрения конкретного социологического творчества — никак не связанных между собой. В 2006 г. у меня вышла книга «Социология досуга и культуры» (Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры. М., 2006), в которой я предпринял усилия к поиску методологических и даже методических связей между социологиями культуры и досуга (досуг — часть культуры, ее сфера, методы ее исследования могут быть применены к изучению досуга; с другой стороны, исследование свободного времени, в том числе и с помощью бюджетного метода, обогатит представление о типах культурно-досуговой деятельности людей и т.д.).

В своей последней работе (Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. Екатеринбург, 2013) я рассматриваю проблемы методологии, истории, теории и практики исследования знания и образования как порознь, так и в их взаимосвязи (знание как содержание образования), показываю становление и развитие двух отраслей социологической науки — социологии знания и социологии образования, подчеркивая необходимость их совместных исследований. В центре моего внимания — наиболее значимые проблемы знания и образования вообще, социологического знания и образования в особенности. Но, пожалуй, главное, на что хотелось бы обратить внимание, — это анализ образовательного знания как особого вида знания, в том числе и образовательного знания социологии. Это вид знания, который находится между научным и повседневным, обыденным знанием. В книге исследуются современное состояние и перспективы социологического знания и образования.

А теперь, после того как я попытался описать и объяснить то, чем я занимался в теоретической социологии последние несколько лет, я коротко скажу о том, что делаю сейчас и отчасти — что буду делать дальше. С точки зрения организационной меня не может не волновать удручающее положение теоретической социологии в стране (может быть, я излишне драматизирую ситуацию? Не знаю). Я его называю социологическим провинциализмом (в последней книге

я подробно о нем пишу и посвящаю ему целый параграф в главе). Социологи не хотят или не могут работать в области теоретического знания. Я думаю, это следствие низкой культуры (общей и профессиональной), незнания зарубежной социологической литературы, иностранных языков. Даже в Екатеринбурге (согласитесь, не самая большая провинция, четыре социологических факультета в вузах города, два диссертационных Совета, свои журналы и др.) по существу нет серьёзно работающих людей в области теоретической социологии. Очевидно, к ней нет интереса, такая деятельность не востребована.

Что касается моего собственного интереса в данный момент, то он связан с попыткой определить некоторые сценарии и тенденции развития теоретической социологии. Я думаю, их нужно видеть на путях усиливающихся связей теоретической социологии с естественными и социально-гуманитарными науками. По-моему, социология отчасти возвращается на «круги своя» (позитивизм). Не случайно в последние годы все чаще говорят о физически ориентированной социологии, биосоциологии, инвайроментальной социологии, нейросоциологии, наносоциологии. Появилась даже пренатальная социология. Мне очень импонирует с этой точки зрения концепция мобильностей Дж. Урри, в которой теоретическая социология оказывается тесно связанной с развитием современных средств связи, транспорта и т.д. Мне лично кажется очень привлекательной концепция нанообщества, и я подумываю о том, чтобы «подумать» в этом направлении.

Вообще же, если говорить честно и откровенно, безумно устал от этой гонки, от книг, статей, исследований, докторантов, аспирантов, конференций, докладов и т.д. Хочется чуть-чуть отдохнуть, соскучиться по работе, не торопясь подумать. «Служенье муз не терпит суеты...».

В последнее время в статьях Л. Д. Гудкова, А. Ф. Филиппова и ряда других социологов звучат резко критические замечания относительно проводимых российскими социологами теоретико-методологических поисков. Что Вы скажете по этому поводу?

Я хорошо знаю об этой позиции и лет десять назад, не скрою, во многом был с ней согласен и даже где-то об этом писал. Ее впервые озвучил в полной мере А. Филиппов в книге «Теория общества». Если не ошибаюсь, это было в 1999 г., и у него в ней была большая статья «Теоретическая социология». Я ее хорошо помню и помню его аргументы. Они были отчасти убедительны. Спустя лет пять, еще при жизни Ю. А. Левады, аналогичную точку зрения высказал и Лев Гудков (Юрий Александрович, по-моему, на эту тему не высказывался, хотя я могу и ошибиться, но я у него не читал об этом ничего). В последние годы (2009-2011) Л. Д. Гудков довольно резко писал об отсутствии у нас настоящей теоретической социологии, А. Ф. Филиппов же, как мне кажется, чуть «подостыл». Не знаю, так ли это, но ощущения у меня именно такие.

Что касается моих взглядов по этому вопросу, то они по-прежнему не однозначны. С одной стороны, мне представляется, что в условиях отсутствия гражданского общества в нашей стране, господства вертикали власти, полицейского государства, серьёзных ограничений в области свободы высказываний и поступков трудно рассчитывать на появление социологических теорий, в которых будет адекватно рассматриваться то самое негражданское общество, которое имеем. Ведь неизбежным выводом, который должен следовать за такими теориями (и в них самих), должен быть вывод о том, что подлинно научной,

аутентичной социологической теорией будет только та, которая укажет на пути и способы замены негражданского общества, неправового государства и власти в нем и создания подлинно гражданского общества и правового государства. Но сегодня вряд ли можно на это рассчитывать — по разным причинам, о которых здесь говорить не буду.

С другой стороны, мы сегодня имеем ряд вполне законченных («приличных») теорий (к примеру, теория трансформаций общества Т. И. Заславской и В. А. Ядова [Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социол. журн., 2009, №1], теория социального неравенства О. И. Шкаратана [Шкаратан О.И. Социальное неравенство. Теория и реальность. М., 2012]), в которых дается глубокий анализ социальных явлений и процессов, характерных для современного этапа российского общества. Причем, эти теории имеют и национальный характер, и в то же время вписываются в мировые тенденции, что как раз и позволяет соотносить их не только с сугубо национальными, но и с интернациональными теориями. Что особенно важно (для меня), они лишены всяких идеологических подпорок. Их отсутствие я считаю обязательным условием «нормальной» социологической теории. Поэтому, делаю я вывод, есть определенные основания говорить пусть и об ограниченном, но все-таки имеющем место в нашей стране теоретико-социологическом пространстве. Перспективы его расширения в настоящее время туманны, многое будет зависеть от отношения социологии и власти (или наоборот). Потому что когда «социологическая властвующая элита» устами М. К. Горшкова заявляет, что социология может и должна быть полезна власти, а власть — социологии и вслед за этим: не нужно пугать власть своими оценками и выводами, а следует доказывать полезность социологического участия в государственных делах (Горшков М. К. Общество — социология — власть // Социол. исслед., 2012. №7), на что можно рассчитывать с точки зрения создания аутентичной теоретической социологии?

Вы были в прошлом году хотя бы на одном из съездов российских социологов? Если да, то что вам запомнилось из новых работ в области теоретической социологии?

Да, был, в Уфе, на конгрессе РОС в октябре. Не мог не быть, я ведь вице-президент Российского общества социологов. Было много теоретиков и методологов: В. А. Ядов, Н. Е. Покровский, А. Б. Гофман, Ж. Т. Тощенко, Н. Ф. Девятко, Г. Г. Татарова, Е. А. Здравомыслова, М. Ф. Черныш, В. В. Козловский и др., всех сразу не вспомнишь. Причем я не только был и делал доклад «Социологический провинциализм: вчера, сегодня, завтра», но и руководил одним из заседаний — вместе с Ж. Т. Тощенко. Из новых работ (докладов) на конгрессе почти ничего, к сожалению, не запомнилось. Честно сказать, я давно уже не жду на конгрессах и конференциях чего-то очень нового, поскольку знаю правило исследователей: сначала опубликуй, а потом об этом говори. Сам я как раз поступаю наоборот, но давно уже подметил такую особенность у многих других теоретиков. Иное дело — доклады о результатах эмпирических исследований. Тут нового — хоть отбавляй. Я объясняю это обстоятельство не очень крупными, скорее локальными результатами проведенных исследований, на которые желающих покуситься — не так много. В принципе же хочешь узнать что-то новое — читай книги, журналы и Интернет.

Тогда, Гарольд, к Вам вопрос как вице-президенту РОС. Есть разные точки зрения относительно существования в России не одной, а нескольких профессиональных объединений и, соответственно, проведения нескольких социологических конгрессов. Одни считают это нормальным, отражающим многообразие путей развития российской социологии, другие видят в этом конфликт, говоря словами профессора Теодора Шанина, не в социологии, а в социологическом сообществе. Каково Ваше мнение?

Я думаю, что конфликт имеет место не только в социологическом сообществе, но и в социологии. То, что в ней существует несколько профессиональных объединений, является совершенно нормальным. Более того, ряд представителей различных объединений участвует в деятельности других. Так, на конгрессе в Уфе принимали участие члены сообщества профессиональных социологов, общества им. Ковалевского. Суть дела в другом. Нездоровая атмосфера вызвана стремлением руководителей некоторых из них (называю конкретные фамилии – Г. В. Осипова, В. И. Жукова, В. И. Добренькова) подмять под себя все социологическое сообщество, узурпировать власть над ним, добиться изменения ситуации. Ведь Российское общество социологов было объявлено правопреемником Советской социологической ассоциации более 20 лет назад, и с тех пор представляет Россию в МСА и ЕСА. Более того, его авторитет постоянно растет, растет численность членов РОС, большая часть субъектов РФ представлена в РОС. Но именно это и не нравится тем, кто занимает высокие руководящие должности в своих административных структурах, а общественные объединения оказываются вне зоны их контроля. В нашей стране существует известная традиция, которая называется вертикалью власти. Но в социологии она пока не работает, и очень хотелось бы, чтобы не работала и дальше. Между тем, именно за соблюдение этой традиции и выступают поименованные выше люди. Это – одна сторона конфликта.

Другая находится глубже и касается содержательного и даже идеологического размежевания социологов. Пример: Российская социологическая ассоциация (РОСА), руководителем которой является декан социологического факультета МГУ В. И. Добреньков (некоторое время назад официально уличенный в плагиате), совершенно четко проводит линию на сотрудничество с православной церковью и объявляет идеологическими устоями современной социологии православие, самодержавие и народность (см. его статью в журнале «Социс», 2009, №8). Ситуация складывается таким образом, что появляются авторы, которые могут публиковаться в одних изданиях, а в другие им дорога закрыта. Дело доходит до того, что вводится запрет на цитирование тех или иных социологов. Так что существующее противостояние в отечественной социологии имеет совсем не безобидный характер. Я считаю, что оно отражает, по крайней мере, отчасти реальный раскол, который существует в российском обществе.

Расширились ли в последние годы возможности социологов Екатеринбурга и других не столичных городов для ознакомления с достижениями западной социологии?

В последние годы – в связи с распространением Интернета, новых коммуникаций и технологий – у меня на этот счет изменилось мнение. Раньше я считал, что не столичные города обделены возможностями в плане изучения западной социологии. А сейчас, точнее несколько лет назад, понял, что дело в людях, а не в городах. Можно быть социологическим провинциалом в Москве

и Питере, не читать, не интересоваться, не работать, не публиковаться, не стремиться к контактам и общению, а можно жить в глухой провинции (конечно, не в самой глухой) и по-современному работать.

Понятие социологического провинциализма имеет не только (а в ряде случаев и не столько) географический, но и содержательный характер. Он означает концептуальное и технологическое отставание социологии и социологов (научных коллективов) от передовых достижений науки. Явление социологического провинциализма – это иной, более низкий ее уровень. Социология – не математика, физика или биология, передовые рубежи развития которых имеют более строгие и четкие очертания, нежели у социогуманитарных наук. Но и у последних, включая социологию, есть критерии достижений: актуализация современных методов исследования (связанных в том числе с применением компьютерных технологий), появление новых концепций как способов интерпретации возникающих социальных процессов и явлений, использование этих концепций в социологическом сообществе как факт научного признания их ценности и полезности, эффект критического анализа исследований со стороны коллег по сообществу, публичность и общедоступность материалов этих исследований, достигаемая благодаря СМИ и переводам работ на иностранные языки. Стремление соответствовать названным исследованиям – и есть преодоление социологического провинциализма в России, путь развития в ней современной социологии. И еще одно важное обстоятельство: социологический провинциализм – это своеобразное состояние души социолога (группы социологов), ее стремление к покою, а не к активному социологическому продвижению вперед. Это отсутствие мотивации социологического творчества, нежелание проводить социологические исследования и публиковать их материалы, участвовать в научных дискуссиях, писать проекты и бороться за получение грантов и заказов.

К сожалению, как мне кажется (так хотелось бы ошибиться!), социологи Екатеринбурга (в своем большинстве) не очень стремятся быть на уровне современных тенденций, особенно в области теоретической социологии. Это вызывает у меня глубочайший пессимизм. Я ведь член диссертационного совета и ежегодно выслушиваю от 10 до 20 защит, включая несколько докторских. Была бы моя воля, как минимум 70% работ (а, может, и больше) я бы не допускал к защите – мало того, что работы слабые, еще и защиты слабые. Стоит задать вопрос относительно знания диссертантами современных зарубежных работ (причем по их же проблемам), как тут же ступор. Все это свидетельствует о низкой социологической культуре и низком уровне профессиональных знаний.

Кстати, по поводу современной зарубежной социологической литературы, точнее, ее переводов на русский язык. Сегодня переводится достаточно много работ известных зарубежных социологов, но у них у всех (это правило) есть как минимум один общий и довольно существенный недостаток: между публикацией книги (статьи) в оригинальном виде и ее изданием на русском языке имеет место большой интервал времени, иногда до 20 лет. Читатели часто этого не замечают, и у них создается впечатление, что если книга опубликована в 2012 г., значит, она является новой, прямо-таки новейшей, хотя на самом деле автором могла быть написана очень давно. Вот лишь один пример: концепция структуризации известного современного английского социолога Э.Гидденса была впервые опубликована в виде книги в 1984 г., а на русском языке она вышла в свет спустя почти

20 лет (Э. Гидденс. Устроение общества. М., 2003). Так что часто складывается весьма ошибочное впечатление, что мы читаем книги «с пылу, с жару». К сожалению, нет, и это усложняет общую ситуацию с изучением зарубежной социологии.

Вообще говоря, занятия теоретической социологией предполагают и повышенное внимание к истории социологии. Но Вы этой проблематикой занимаетесь целенаправленно. Когда и в силу каких обстоятельств история нашей науки попала в область Ваших особых интересов?

Я абсолютно согласен с такой постановкой вопроса: действительно, занятия теоретической социологией предполагают и повышенное внимание к истории социологии. Однако мой интерес к ней был вызван не только этой, но и целым рядом причин. 1). Я давно начал писать учебные пособия, а затем и учебники по социологии: первое из них, «Социология для студента» было опубликовано в 1990 г. Оно было небольшое, чуть больше 200 стр. По-моему, это было одно из первых учебных пособий в СССР (про которое мало кто знал, потому что оно было издано в Свердловске). Написание таких работ невозможно без обращения к историко-социологическому «Введению», которое является первым (или одним из первых) разделом в книгах подобного рода. Вслед за этим пособием я написал еще несколько, в том числе и учебник (вместе с Г. П. Орловым), который вышел в Москве в 1995 г. (он был признан победителем соросовского конкурса, и первый в своей жизни долларовый гонорар я получил именно за него). 2). Моя докторская была связана с социально-историческим анализом категории «свободное время», что потребовало выхода на «круг» литературы, выходящей далеко за пределы только этой категории. Понадобилось глубокое и детальное «вхождение» в историю социологии как раздел социологической науки в целом. 3). Я все же историк по образованию, и тяга к историко-социологическому анализу почти что в крови.

Собственно сам учебник по истории социологии я писал и издавал в два этапа. В 2000 г. появилась «История социологии. Классический этап», через год после этого — «История социологии. Современный этап». В 2003 г. в Екатеринбурге я издал большую работу «История социологии» (почти 900 стр.), где обе части были сведены. Появилась глава по истории социологии на Урале (впервые). В 2004 г. «Гардарики» в Москве также издали мою «Историю социологии», потом это сделали еще 2 или 3 раза (но уже без главы о социологии на Урале).

Почему я пришел к необходимости издать этот учебник? Строго говоря, не только его, но и другие. Дело в том, что в 1997 и 1999 гг. у меня вышло два издания большого (по объему почти такого же, как «История социология») учебника по «Общей социологии», потом в Москве — еще одно, третье (в 2004 г.). В 2002-2004 г. была опубликована «Прикладная социология» (в соавторстве с Шуклиной — сначала в Екатеринбурге, затем в Москве), в 2004-2005 гг. — «Социология управления» (в соавторстве с моей докторанткой, ныне профессором, д.с.н. Н. Б. Костиной), затем — «Социология образования», в 2006 г. — «Социология досуга и культуры», также в Москве. Я привел этот перечень учебников и учебных пособий с одной целью — сказать о том, что ощущаю себя в первую очередь не ученым (упаси господь крупным), а профессором. Вероятно, мои самооценки не совпадают с оценками со стороны. Я люблю читать студентам, магистрантам, аспирантам свои авторские курсы, по которым есть

мои учебники. Многие мои коллеги считают, что ряд учебников Зборовского имеет монографический характер (что, отмечалось, кстати, и в некоторых рецензиях, в том числе и на «Историю социологии»). Если это, действительно, так, я безмерно рад.

Неожиданно для меня оказалось, что подготовка учебников и учебных пособий таит в себе значительные перспективы творческого роста, подчас гораздо большие, чем проведение исследований по отдельным проблемам и написание на их основе монографий. Эта работа позволяет не просто систематизировать и синтезировать накопленные в самых различных областях социологической науки знания. Она требует постоянного отслеживания и изучения большого объема социологической литературы, что заставляет постоянно находиться, если можно так выразиться, в хорошей научной форме.

С другой стороны, не меньшее значение в этом плане имели для меня постоянное чтение лекций и семинарские занятия со студентами и аспирантами. Это тот педагогический полигон, где можно на практике проверить качество изданных либо готовящихся к изданию учебников. Данное обстоятельство являлось для меня очень важным при подготовке каждого из них. Я бы не хотел осуждать некоторых моих коллег — авторов учебников и учебных пособий по общей социологии, истории социологии, отраслевым социологиям, но когда читаешь некоторые из этих книг, то сразу возникает вопрос: насколько они апробированы в студенческих аудиториях? Ответ на него часто бывает неутешительным. Я взял себе за правило: не публиковать работ для студентов, пока не будет прочитан (причем желательно не один раз) соответствующий курс в аудитории.

При написании учебников и учебных пособий я руководствуюсь несколькими, для меня наиболее важными принципами. Это, в первую очередь, доступность, учет специфики аудитории. Еще один принцип — ограниченность полемики и ее весьма умеренный характер. Так, при создании учебников по истории социологии передо мной стал вопрос, в какой форме высказывать собственное отношение к творчеству современных социологов и мыслителей прошлого. Конечно же, был соблазн полемизировать, не соглашаться и даже критиковать. Тем более, что речь идет о точках зрения, многие из которых сегодня выглядят наивными. Однако путь был избран иной: показа реальных достижений социологической мысли, позитивного отношения к ним и формирования у читателя аналогичной позиции относительно всей истории социологии.

Подытоживая в целом работу по написанию учебников и учебных пособий по социологии (кстати, за них мне была присвоена премия МГУ им. Петровского в 2003 г.), должен отметить, что это очень важное направление в моей профессиональной жизни. Сразу скажу, что сейчас пока ничего не пишу из работ этого жанра. Нужно бы подготовить новое издание «Основ социологии» (раньше называлась «Общая социология»), но пока выраженного желания нет. Надо чуть-чуть отдохнуть и от этого.

Поговорим немного об истории отечественной социологии? Прежде всего, как вы ее называете — русской или российской и как периодизируете ее развитие?

Отечественную социологию я называю исключительно российской, причем именно ту часть ее истории, которая была связана с дореволюционным (до октября 1917 г.) развитием страны. Эта социология возникла и развивалась на

территории России, в этом смысле (для определения названия) ее национально-этническая характеристика не имеет никакого значения. Возникает российская социология после реформы 1861 г. (или реформ 1860-х - 1870-х гг.), связана с появлением капитализма в России. Конечно, имел место предсоциологический этап, главное место здесь занимали взгляды Чаадаева и Кавелина, хотя я прекрасно осознаю роль Майкова, Вырубова, Новикова, славянофилов и западников в развитии этого этапа. Я считаю, что отечественная социология XIX в. возникла гораздо позднее, чем западная (как минимум, лет на 30, я имею ввиду, прежде всего, позитивистские взгляды, которые были исторически первыми и на Западе, и у нас), и в этом смысле она вторична. Я противник утверждений об оригинальности российской социологии и считаю, что они хорошо иллюстрируют известный анекдот о России как о родине слонов. Оригинальными являются отдельные теории и направления, например, субъективная социология и тесно связанное с ней психологическое направление (Кареев, Лавров, Михайловский, Южаков, де Роберти).

За чуть более чем полувековое развитие российской социологии (после 1861 г.) условно можно выделить три периода: первый – 1860-1890-е гг. (господство субъективной социологии и позитивизма), второй – 1890-е гг. – начало XX в. (господство неокантианства), третий – начало 1890-х гг. – рубеж 1910-1920-х гг. (господство неопозитивизма). В моем учебнике по истории социологии рассмотрению этого этапа – я его называю классическим – посвящено около 100 страниц текста (5 глав). Помимо характеристики особенностей российской социологии в целом, каждого периода в частности, подробно рассмотрены взгляды и теории таких авторов, как упомянутые выше социологи, а также Ковалевский, Данилевский, Стронин, Лилиенфельд, Мечников, Хвостов, Кистяковский, Петражицкий, Новгородцев, Тахтарев, Звоницкая и, конечно, Сорокин (российский этап его творчества; американский подробнейшим образом охарактеризован во второй части учебника, посвященного современному этапу развития социологии).

В целом я считаю, что российская социологическая «классика» оказалась не столь протяженной во времени, как европейская, и менее насыщенной социологическими открытиями, событиями и исследованиями. В России не произошла хотя бы частичная институционализация социологии: ее не было в вузах, она не была признана правящей верхушкой, не проводилось эмпирических исследований, так и не было создано сообщества социологов (если не считать общества Ковалевского, появившегося после его смерти, но это уже было в конце), Россия не дала миру ни одного социолога крупного, «классического», мирового масштаба (Сорокин не в счет, он стал широко известным уже в США).

Вы знаете письмо А.Г. Здравомыслова ко мне, в котором он писал: «Я отсчитываю начало российской социологии с А.И. Герцена. А Зборовский – с Михайловского и Лаврова. В этом суть того, что я назвал недооценкой, а так учебник неплохой». Как бы Вы прокомментировали эти слова?

Я могу лишь продолжить свои рассуждения, предложенные в ответе на предшествующий вопрос о периодизации российской социологии. Коротко говоря, я не считаю Герцена социологом, а Лаврова и Михайловского – считаю. Как и всех «западников», я его отношу к «предсоциологам», т. е. к тем мыслителям, которые идейно обеспечили появление рос-

сийской социологии в послереформенный период. Вообще же вопрос упирается в критерии: 1). что считать точкой отсчета российской социологии; 2). кого считать социологом, а кого — нет. Это — сложнейшие теоретические вопросы, и суть моих расхождений как с А. Г. Здравомысловым, так и с названными Вами в следующем вопросе петербургскими социологами А. О. Бороноевым, И. А. Голосенко, В. В. Козловским состоит именно в трактовках этих критериев. Сразу хочу сказать: я не считаю себя достаточным специалистом по отечественной социологии дореволюционного (1917 г.) этапа, достаточным в том смысле, что специально не исследовал творчество подавляющего большинства российских социологов середины и второй половины XIX - начала XX вв., хотя, разумеется, все (или почти все) основные их работы мне хорошо известны. Для написания учебника мне не нужно было детально разбираться в нюансах их идей и взглядов. В конце концов, у меня была другая задача: я писал учебник не по истории российской социологии. Последнюю же рассматривал как часть мировой истории социологии.

Вообще вся эта ситуация и весь этот спор мне удивительным образом напоминает дискуссию о зарождении социологии на Западе. Тот же самый вопрос: кого считать основоположником этой науки? Тот же самый вопрос: кто — социолог, а кто — нет, но объективно готовил своими работами и идеями ее появление? Почитайте Раймона Арона, одного из крупнейших теоретиков и историков социологии середины прошлого столетия, и Вы увидите, что он начало социологии связывает с именем не Конта, а Монтескье. В «Этапах развития социологической мысли» (М., 1993) Арон прямо называет его основоположником социологической мысли, посвящая ему первую главу своей фундаментальной монографии (творчество Конта он рассматривает во второй главе). Но я считаю, что с таким же, а, может быть, большим успехом имеет смысл связывать зарождение социологии если не с Контом, то скорее с Сен-Симоном, ибо все базовые положения позитивизма были сформулированы именно им (я имею ввиду его «Очерк науки о человеке», 1813 г.). Тем более, что Конт реально был его учеником, проработав 7 лет личным секретарем у своего патрона и постоянно вращаясь все эти годы в мире его идей и суждений. Но предмет, метод, основные понятия, принципы, наконец, проблематику и т.д. социологии сформулировали не Монтескье, не Сен-Симон, а Конт. Кто-то из американских социологов конца прошлого века сказал, что Конт дал социологии не только имя, но и программу. И я с этим согласен. Именно это обстоятельство дает главное основание не только мне, но и значительной части социологов считать Конта основоположником социологической науки. При этом в любом случае, кого бы ни рассматривали в качестве основоположника, французский след в основании социологии оказывается самым сильным и заметным и практически не подлежит сомнению.

В случае с российской социологией ситуация далека от проведения прямой аналогии, но что-то похожее имеет место. Речь идет о том, кто формулировал базовые социологические, подчеркиваю, именно социологические трактовки (предмета, метода, основные взгляды на общество, его структуру, социальную, экономическую и политическую систему, личность и т.д.), а кто — нет. С моей точки зрения, это делали именно те, кого я отношу к представителям социологической науки и кого называю среди них. Еще раз повторяю: при всем величии Герцена как мыслителя я не считаю его социологом. И в этом — суть различий между моим подходом и подходами моих коллег. Такие же рассуждения уместны

и в ответе на следующий ваш вопрос (считаю, что по существу уже на него ответил). Не в том дело, кого персонально выделять; главное — на основании каких критериев.

Несколько лет назад Вы изложили свои взгляды на историю социологии в петербургском «Журнале социологии и социальной антропологии». Что объединяет и что разъединяет Вас в трактовке дореволюционного периода российской социологии с петербургскими исследователями? Я имею в виду А. О. Бороноева, И. А. Голосенко, В. В. Козловского и других.

Что же касается трактовки всего дореволюционного периода российской социологии, точнее различий в этой трактовке между мной и уважаемыми мною (Вами названными) коллегами, то еще раз отмечу явную недооценку (и этим подтверждаю мнение А. Г. Здравомыслова) мною оригинальности отечественной социологии (в сравнении с их оценками), причем недооценку не случайную, а осмысленную и подтверждаемую. Я называю отечественную социологию вторичной по происхождению, возникшей в значительной степени под влиянием западных работ. Не случайно отечественная дореволюционная социология не получила (за редким исключением — Ковалевского, де Роберти, Вырубова, Новикова) широкого признания за рубежом России. Возможно, дело в том, что русскоязычные работы мало кто читал на Западе (как это происходит и сейчас). Но многие дореволюционные социологи хорошо владели иностранными языками и публиковались в зарубежных изданиях время от времени, тем не менее, популярность их работ была невелика. О чем-то это, вероятно, говорит. Впрочем, возможно, что какие-то вещи я недостаточно хорошо знаю и не совсем верно оцениваю.

Если Вы заметили, в моем вопросе я спрашивал об истории отечественной социологии в целом, потому, пожалуйста, распространите Вашу периодизацию на весь период советской социологии и до наших дней.

Именно этого — вопроса о периодизации всей отечественной социологии — я как раз и не понял. Как мне показалось, он касался истории отечественной социологии (слова «всей», в целом, не было) и ее названия (русской или российской), а также периодизации. Поскольку Вы меня спросили о периодизации российской социологии, я о ней и говорил, имея в виду, что после 1917 г. начинается советская социология, которая после 1991 г. вновь «превращается» в российскую (такие словесные сложности — хитрости). Периодизация советской (затем российской) социологии мне представляется следующей.

Первый период — с конца 1917 г. (от Октябрьской революции) до начала 1930-х гг. В его рамках я выделяю два подпериода. Первый — с конца 1917 до конца 1922 г. (высылка Сорокина из России, сведение на-нет немарксистских публикаций и социологической деятельности их авторов) — я определяю в самом общем плане как время противоборства немарксистской (антимарксистской) и марксистской социологии, второй подпериод — с конца 1922 г. до начала 1930-х гг. — как время утверждения и победы марксистской социологии, завершившееся, в точном соответствии с логикой развития социальных и идеологических процессов в СССР, реальным запретом и теоретических, и эмпирических

социологических исследований. Затем наступает перерыв в развитии социологии (начало 1930-х — конец 1950-х гг.), когда в условиях господства сталинского режима социология оказалась под запретом.

Второй период — конец 1950-х — конец 1980-х (начало 1990-х) гг. В его рамках я выделяю два подпериода — конец 1950-х — начало 1970-х гг., который я определял как время возрождения отечественной социологии (но здесь — еще раз говорю — я согласен с Вами, что гораздо точнее определять этот подпериод как время ее нового, второго рождения, поскольку возрождаться было не из чего), и второй подпериод — с начала 1970-х гг. до конца 1980-х гг. — как социологию периода застоя.

Наконец, с 1990-х гг. по настоящее время отечественная (вновь российская) социология переживает новый этап своего развития, характеристику которого я бы не рискнул дать в нескольких словах, поскольку это и институционализация социологии, и социологическое образование, и свобода социологического слова (пока еще), и широкая издательская деятельность, и развитие рынка социологических услуг, и новое социологическое мышление, и интеграция отечественной социологии в мировую науку, и развитие социологии в регионах России и т.д. Считайте, что я дал краткую аннотацию этого этапа.

Что приобрела и что потеряла современная российская социология в результате перестройки и уже длительного постперестроечного периода?

Прежде всего, я думаю, что приобрела гораздо больше, чем потеряла. На первое место из приобретений я бы безоговорочно поставил свободу — свободу социологического слова и свободу действий. Молодое поколение социологов, конечно же, это не чувствует и даже с трудом понимает, о чем идет речь. Приведу лишь один пример. Когда я рассказываю студентам и аспирантам, как меня через год после защиты докторской вызывал к себе первый секретарь Свердловского ОК КПСС Я.П.Рябов, который потом стал секретарем ЦК КПСС, и заставлял идти заведовать кафедрой в другой вуз, против чего я категорически возражал, а в ответ грозил всеми карами — исключением из партии (если я неправильно понимаю ее задачи — это был главный аргумент), лишением ученой степени, невозможностью трудоустроиться по специальности и т.д., они смотрят на меня с выпученными глазами и не верят, что такое может быть. А я им говорю, что именно так и было, что человеческая судьба ничего не стоила, и при этом рассказываю, что двухмесячное противостояние закончилось моим поражением, и я вынужден был согласиться. Правда, потом этот же Рябов на заседании бюро Обкома партии разливался соловьем в мой адрес («молодой, талантливый ученый, наша гордость» и пр.). К этой истории должен добавить, что такой рассказ не прибавляет мне уважения со стороны слушателей («оказался слабаком, сломался»...). Да, это так, правда, я пытаюсь объяснить, что у меня была семья, я думал о ней больше, чем о себе, но такой аргумент не из самых сильных, это понятно. Зато сейчас я прекрасно понимаю, что значит свобода. Последний случай (двухнедельной давности): меня приглашает губернатор выступить с докладом на каком-то семинаре под его руководством, а я отказываюсь, потому что не испытываю к нему ни капли уважения. Мне ясно, что он ничего не сможет сделать, даже если захочет: ниже профессора не сошлют. И еще: губернаторы приходят и уходят, а профессора остаются. Но это уже «лирика».

При этом я понимаю и сразу хочу сказать, что свобода все равно неполная: в полицейском государстве, в условиях авторитарного режима она по определению не может быть другой. И эта ограниченность так или иначе дает о себе знать, поскольку мерзко и противно, когда неповинных людей бросают за решетку, когда появляются политзаключенные, когда гнобят бизнес, когда дикая, открытая коррупция, когда ... Этого «когда», к сожалению, много, очень много, и оно неизбежно, «когда» нет гражданского общества.

Однако я очень отвлекся. Из приобретений российской социологии, помимо определенного уровня свободы, несопоставимого с тем, что было при Советской власти, я бы назвал: новый статус науки и профессии, появившееся социологическое образование, возможность издаваться практически без ограничений, поездки за рубеж — самые разные, с самыми разными целями... Наверняка что-то не назвал, но главное выразил.

Что касается потерь, то некоторые из них, мне представляется, являются продолжением приобретений (так же, как наши недостатки часто бывают продолжением наших достоинств). Я бы сказал о резко снизившемся уровне социологического образования. Конечно, эта ситуация связана не только с социологией, но и в целом с положением дел в образовании страны. Вспоминаю своих студентов первой половины 1990-х гг.: горят глаза, энтузиазм, на семинарах каждый стремится что-то сказать, поспорить, знающие язык переводят источники, издаем хрестоматию по зарубежной социологии и т.д., и сравниваю их с нынешними, которым в подавляющем большинстве вообще ничего не нужно. Конечно, очень разнится исходный уровень, с которым приходили студенты 20, даже 15 лет назад, и то, что есть сейчас. Но оттого, что мы видим и понимаем и связываем ситуацию с положением дел в стране и в образовании в целом, социологическому образованию легче не становится. Зато становится неинтересно преподавателям приходиться в аудиторию, а мотивированные студенты, которых не более 15-20% (в среднем), испытывают сильнейшее негативное влияние группы в целом (не лезь, не высывайся, тебе что, больше всех надо?).

К числу потерь я отношу очень серьёзный «раздрай» в социологическом сообществе, который начался около 7 лет назад событиями на социологическом факультете МГУ и вовлек в свою сферу значительную часть социологов. Я не вижу ему конца-края и предвижу только усиление раскола среди социологов. Совершенно очевидно, что резко упал авторитет соцфака МГУ, равно как и тех, кто его поддерживает. А это очень плохо, особенно для престижа российской социологии за рубежом.

Проблемы на факультете начались с недовольства группы сильных студентов процессом преподавания. Они стали жаловаться на то, что с факультета ушли многие сильные преподаватели, что они не имеют возможности слушать ведущих социологов страны, которых не приглашают для чтения отдельных курсов или даже лекций, что их заставляют чуть ли не по одному учебнику сдавать все дисциплины (имеется в виду «Фундаментальная социология» В. И. Добренькова и А. И. Кравченко) и т.д. Они требовали встречи с ректором, выдвинули свои претензии. Кончилось тем, что ряд студентов был исключен из университета. Слава богу, социологическое сообщество не осталось в стороне, ребят восстановили в других вузах, и они получили социологическое образование. Но в процессе «разматывания» этого клубка были выявлены случаи плагиата в работах

декана, о чем было написано письмо ректору В.А.Садовничему. Случаи плагиата выявила специальная комиссия, которая состояла из ведущих ученых. Российское общество социологов вместе с ними обратилось к руководству МГУ с предложением сменить руководство факультета, однако ничего сделано не было. Все осталось по-прежнему. Руководство факультета настолько себя дискредитировало, что стало объектом критики МСА. В частности, об этом неоднократно говорил (в том числе и на III Всероссийском социологическом конгрессе в 2008 г.) президент МСА М.Вевьерка. к этой некрасивой ситуации следует добавить попытку руководства Российской социологической ассоциации – Г.В.Осипова и В.И.Добренькова, а также В.И.Жукова, который возглавил Союз социологов России – узурпировать власть в социологическом сообществе России. Понятно, что из этого ничего не получилось, но раскол в нем был обеспечен полнейший. Сегодня он еще более усугубился, что проявилось в проведении двух параллельных социологических конгрессов в 2012 г. Немалую роль в этом сыграли действия Г.В.Осипова, который, пользуясь поддержкой Президиума РАН, вопреки протестной позиции Российского общества социологов (в адрес Президиума РАН было направлено специальное письмо), «продавил» решение о проведении параллельного конгресса.

Не могу не назвать среди того, что сегодня огорчает, гигантское количество слабых книг по социологии – учебников и монографий. Это – следствие, точнее, продолжение тех больших публикационных возможностей, которые открылись в 1990-е гг. Резко ослабло действие фильтров (рецензенты, общественное мнение, критика и т.д.), а отсюда и низкое качество многих публикаций. Массовизация социологии – так бы я назвал этот феномен – привела к резкому снижению требовательности к ней и усилила неудовлетворенность ею в обществе. Последняя связана еще и с существенной разницей в результатах, полученных в ходе опросов общественного мнения по схожим проблемам, в чем многие видят определенную ангажированность тех или иных социологических служб, а иногда и прямое вмешательство Кремля.

Вспомним, как активно в СССР развивались исследования образа жизни, сколько было сделано в области социального планирования трудовых коллективов (в том числе, и в Свердловске) и по ряду других тем. Как Вы думаете, в обозримом будущем результаты этой работы будут востребованы или останутся лишь частью истории нашей социологии?

Я думаю, что какие-то исследования и их результаты будут востребованы социологами (и не только ими) и в дальнейшем (трудно сказать, насколько обозримом), какие-то – канут в Лету. Всё, что было связано с идеологией советского времени, несомненно, уйдет. Вот, к примеру, проблематика образа жизни. Конечно, вся «накипь», связанная с «преимуществами советского социалистического образа жизни над буржуазным», давно уже никому не нужна. Но теоретические, методологические и методические разработки исследования образа жизни необыкновенно важны и полезны и сейчас. Думаю, что они пригодятся и в будущем, это касается также результатов эмпирических исследований, особенно в компаративном плане. Кстати, интересно, что в первой половине 1990-х гг., когда мы активно обсуждали и осуждали многое из того, что делалось при социализме, под «горячую руку» попала и проблематика образа жизни. Поэтому не случайно был большой перерыв в ее изучении (лет десять, не меньше), когда из «ванны вместе с водой выплеснули и ребенка», т.е. под флагом отказа от про-

блем социалистического образа жизни ушли и от самого образа жизни как социологической проблемы. К счастью, потом опомнились, и сейчас ей уделяется определенное внимание.

Ваш вопрос об образе жизни попал в «самую точку», поскольку эта проблема мне очень близка, а с ее исследованием была связана одна не очень приятная история. Я занимался этой проблемой с середины 1970-х до середины 1980-х гг., выполнил несколько десятков работ в ее русле. Правда, крупных публикаций не было, кроме одной книги («Как стать незаменимым», Екатеринбург, 1987), зато оказалось много брошюр и самых разных статей. Было и одно серьезное эмпирическое исследование – образа жизни учительства Свердловской области, проведенное на основе разработанной мной методологии его многомерного изучения (включая изучение бюджета времени учителей). Оно было осуществлено в 1977-1978 гг., в самый пик интереса к проблематике образа жизни. Мы получили результаты, которые привели нас к выводу о необходимости глубоких и коренных реформ учительства, школы и всей системы образования, в особенности педагогического (это в разгар «застоя»!). Надо ли говорить, что у меня были очень большие неприятности? Брошюра с материалами исследования, несмотря на то, что на ней стоял гриф «ДСП», попала к министру просвещения. Тот, прочитав ее, топал ногами и «брызгал слюной», требуя осудить и запретить впредь подобные исследования, а по отношению ко мне лично – применить самые жесткие санкции административно-организационного и партийного характера. Слава богу, все обошлось, я отделался выговором.

Не исключаю, что можем вернуться и к проблеме социального планирования трудовых коллективов. Но для этого необходимы объективные предпосылки, прежде всего, стабилизация экономической сферы и нормальная работа бизнес-сообщества. Без этого интереса к таким исследованиям не появится. Когда бизнес поймет, что ему необходимы успешно работающие стабильные трудовые коллективы, он сам будет искать социологов для разработки планов их социального (и не только социального) развития. Впрочем, возможно, я и ошибаюсь, и сегодня мало что в нашей стране может об этом свидетельствовать. Но очень хочется так думать и на это надеяться. «Ничто на земле не проходит бесследно», - поется в известной песне советских лет. То, что было в нашей социологии раньше, тоже не должно пройти бесследно, – так коротко подведу я итог своего ответа.

Назову одну из проблем, следующих из отмеченного Вами снижения уровня интереса студентов к науке и слабого знания ими даже недавнего прошлого страны. Может произойти, если уже не произошло, расщепление послевоенной советской/российской социологии на две, скажем: доперестроеную и постперестроеную. И затем – забвение своего прошлого, аналогичное тому, что мы уже пережили: до недавнего времени почти полное незнание дореволюционной и ранней советской социологии. И не говорит ли сказанное о необходимости активизации исследований по истории недавнего прошлого, а то многое окажется невосполнимо потерянным?

Я согласен с Вами. Такая опасность существует, и новое поколение социологов вполне может превратиться в «манкуртов». Причем эта опасность касается не только «доперестроечной», а также дореволюционной и ранней советской социологии, но и вообще классического социологического наследия. Самое любопытное состоит в том, что этот феномен распространен не только у нас,

но и за рубежом, там, может быть, даже еще больше. Когда появляется статья с названием «Зачем нам заморачиваться с Дюркгеймом» (Parker D. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s //The Sociological Review. 1997. Vol.45. №1), отражающая на основании проведенного исследования мнение студентов американских университетов относительно изучения истории социологии, что удивляться этому нам? Думаю, что если бы мы провели сегодня такое же исследование среди наших студентов, вряд ли получили бы другое мнение. Но вообще это интересная тема для анализа.

Отсюда — очевидный вывод: необходима не только активизация исследований по истории социологии недавнего прошлого (что само по себе очень важно), но и работа со студентами в этом направлении. Ни одна разработка темы курсовой и дипломной работы не должна обходиться без ее серьезного историко-социологического анализа.

